

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ЛЕС

Тёмный дар

ДЖ. Э. УАЙТ

Дж. Э. Уайт Тёмный дар

Серия «Заколдованный лес», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51871090

Тёмный дар / Дж. Э. Уайт ; [перевод с английского А. С. Хромовой]:

Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-099039-9

Аннотация

Когда Каре Вестфолл было пять лет, её мать осудили за самое ужасное из всех преступлений – колдовство. Сейчас Кара и её младший брат Тафф по-прежнему живут в деревне, где считается, что нет ничего более злого и ужасного, чем магия... Но больше магии они боятся таинственного Заколдованного леса, покрывающего почти весь остров. У него много названий, и жители деревни живут в страхе перед густыми зарослями и ужасными существами, которые там обитают. Когда Каре исполняется двенадцать, волшебная птица заманивает её в лесную чащу, и она обнаруживает там магический гримуар, который когда-то принадлежал её матери. Кара открывает в себе особенный дар колдовства. Но её тайну узнаёт Грейс, дочь старосты деревни, и грозит рассказать всем, что Кара – ведьма!..

Содержание

Пролог	6
Книга первая	24
1	26
2	38
3	50
4	65
5	84
6	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дж. Э. Уайт

Тёмный дар

*Моей жене, Ишин – мне не требуется
других доказательств, кроме тебя, что магия
существует.*

J.A. White

The Thickety: A Path Begins

Next copyright © 2014 by J. A. White

Illustrations copyright © 2014 by Andrea Offermann

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers

All rights reserved

Тёмный дар

© Хромова А. С., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Кара лежала в постели и придумывала имена. Мама с папой имя пока не выбрали, хотя оставалось всего полтора месяца до тех пор, как Кара станет старшей сестрой. Было очевидно, что им потребуется её помощь. «Джонатан?» Нет, слишком обыденное. «Натаниэль?» Нет, не годится. Знает она одного Натаниэля, он всё время в носу ковыряется. «Самуэль?» Хорошее имя, но ведь дело кончится тем, что все будут звать его «Сэмом», а это не пойдёт.

«На самом деле мне хочется, чтобы это была Виктория!»

Кара тихонько хихикнула. Мысль была приятная, но она была твёрдо уверена, что родится мальчик. Так сказала мама, а мама никогда не ошибается.

«Филип? Эдмунд? Артур?»

И Кара уснула.

Когда она открыла глаза, у её кровати стояли двое мужчин. Один высокий, другой низенький. Темнота в комнате скрадывала их черты, и мужчины казались живыми тенями.

Высокий достал мешок из-под картошки и неловко переступил с ноги на ногу.

– Ты уж извини, маленькая, – сказал он.

И массивной лапищей выдернул Кару из постели.

Девочка завопила.

– Не трудись звать на помощь, – сказал второй. – В доме всё равно никого, кроме нас.

Кара изо всех сил царапала верзиле руки и отчаянно брыкалась ногами, но с тем же успехом можно было драться с деревом. Мужик затолкал её в мешок, мешковина ссадила ей щёку.

Над головой у неё туго затянулась верёвка. И её окутала новая, удушающая тьма.

– Вот он где, демонский-то дух! – буркнул верзила. – Гляди, вся рука в крови!

– Это всего лишь царапина, Джозеф.

– Надо будет потом бальзам какой приложить, а то мало ли, вдруг она как её мамаша. Вдруг оно заразное.

– Да не мели ерунды!

– Ага, тебе-то хорошо говорить! Тебя-то она не расцарапала.

Скрипнули доски пола – низенький наклонился к мешку из-под картошки. Каре было слышно частое, прерывистое дыхание на расстоянии меньше фута от её уха.

– Она там жива хоть? – спросил Джозеф.

– Жива, жива, – ответил второй. – Она нас внимательно слушает. Верно, малышка?

Кара, как ни сдерживалась, всё же тихонько всхлипнула.

– Да не бойся ты, – сказал мужик. Кара даже сквозь толстую мешковину чувствовала, как пахнет у него изо рта: варёной репой и тем прозрачным пойлом, которое папа называл «первачом». – Мы тебе ничего плохого не сделаем. Нас сам предводитель прислал, он нам так и сказал: вы с ней, мол, поосторожнее, но не обижайте её. Пока мы не будем знать наверняка.

Последовала длинная пауза, а потом оба мужика расхохотались. Кара услышала хлопок откупориваемой пробки и бульканье: оба по очереди напились из горла.

– Я хочу к мамочке! – сказала она.

– Это хорошо, – ответил мужик. – К ней-то мы и поедем.

Её швырнули на открытую телегу и покатали сквозь ночь.

Дорога была ухабистая, телега протестующе тряслась и грохотала, Кару швыряло от стенки к стенке. Торчащие щеп-

ки и плохо вбитые гвозди оставляли кровавые царапины на коже.

И вот наконец телега остановилась.

Кто-то вскинул девочку на плечо – Джозеф небось. От него так же несло первачом, как и от низенького, и он слегка шатался на ходу. Кара не думала, что это от её веса.

Оба не обменялись ни словом, и это внезапное молчание встревожило Кару.

– Куда мы идём? – спросила девочка.

Ей не ответили.

– Куда мы идём? Отвечайте!

И Кара замолотила кулачками по спине Джозефа. Дядька плотнее стиснул свою ношу, но больше никак не откликнулся.

Они всё шли и шли. Кара изо всех сил вслушивалась в ночную тишину. Тут было слишком тихо. Глухое безмолвие, только ровный, ритмичный топот башмаков по земле.

Наконец кто-то кашлянул.

Кашель раздался справа от Кары. Наверно, это мог быть низенький, но Кара так не думала. Похоже на то, что кашель был женский.

Они тут были не одни.

– Помогите! – завопила Кара. – Спасите, помогите, пожалуйста!

Мольбам Кары отозвался скрип ступенек под ногами огромного мужчины. Ночной воздух обвил Кару своими хо-

лодными пальцами и крепко сжал.

«Где же мы?» – думала она.

Тут Кару вытряхнули из мешка – и она получила ответ. Она стояла на маленьком помосте посреди заброшенного поля к северу от деревни: одного из немногих мест в Де-Норане, где ничего путного расти не желало. Помост вздымался над землёй футов на десять и слегка пошатывался. В отдалении чёрные кроны Чащобы качнулись в сторону Кары и отклонились, как будто манили к себе.

Кара не далее как вчера гуляла по этому полю и собирала полевые цветы, дожидаясь вестей о маме. Помоста тогда не было.

Его построили за ночь.

– Добрый вечер, Кара! – послышался знакомый голос.

Перед ней склонился фен-де Стоун. Он был высок, с копной густых каштановых волос, собранных в аккуратный хвост на затылке, в алом одеянии, что подходило его положению предводителя Де-Норана. Один глаз чуть больше другого, и оба пронзительно-голубые: «хищные глаза», как говорил Карин папа – но исключительно у себя дома, и то вполголоса.

Сейчас эти немигающие глаза вонзились в глаза Кары, как будто искали что-то.

– Прошу прощения, если они тебя напугали, милочка. Разумеется, проще было бы объяснить ситуацию и привести тебя сюда миром. Но всё случилось так стремительно – мы не

могли рисковать.

У Кары голова шла кругом. Ей сейчас следовало спать, а не дрожать тут, в ночи под открытым небом, разговаривая с деревенским предводителем о том, чего она не понимала.

– Где мама? – спросила она. – Где папа?

Уж они-то ей всё объяснят...

Вид у фен-де Стоуна сделался удивлённый. Это выражение неловко застыло у него на лице, как скверно подогнанная маска.

– Они же здесь, Кара! – сказал он. – Мы все здесь. Как же ты не заметила?

И отступил в сторону.

По полю раскинулось море лиц. Все население Де-Норана – мужчины, женщины, дети – стояло неподвижно, как огорожденные пугала. И все смотрели на неё.

Кара увидела в отдалении старую телегу, на которой её привезли. Должно быть, толпа расступилась, чтобы пропустить их к помосту. Её друзья и соседи стояли в нескольких дюймах от похитителей. Они знали, что происходит, – и допустили это.

Фен-де Стоун, стоя у неё за спиной, положил руку ей на плечо и слегка сжал его.

– И даже твой братик здесь, Кара!

– Мой братик?

– Ну да. Он родился нынче ночью.

Братик. Ну да, как мама и говорила.

Но если родители действительно здесь, почему же они её не окликнули?

Кара шарила взглядом по толпе, высматривая их лица. Это было не так-то просто: Де-Норан был большой деревней, и хотя ночь была тёмной, очень немногие стояли с фонарями. И тем не менее Кара мало-помалу находила одно знакомое лицо за другим. Пекарь Корбетт, который совал ей свеженькую сладкую булочку всякий раз, как она пробежала мимо лавки. Грегор Томпсон, чей участок был рядом с их землями, и который почти каждый вечер пил кофе на кухне у Кары. И у самого помоста – Грейс, девочка примерно её лет. Ярко-голубые глаза Грейс возбуждённо сверкали.

И вот наконец она увидела папу. Папа стоял между двух серых плащей. Толпа по обе стороны слегка раздалась, давая им место.

– Папа! – воскликнула Кара. – Папа, что происходит?!

Отец не ответил, только посмотрел ей в глаза. Глаза у него были мокры от слёз.

– Папа!

На руках папа держал что-то маленькое, завернутое в простое бурое одеяло.

«У меня родился братик...» – подумала Кара.

– Папа! Спаси меня!

Отец поджал губы и, кажется, хотел было шагнуть вперёд, но серый плащ, слева от него, сильнее стиснул свой посох с шаром и покачал головой. Отец сник и подался назад.

– Мне нужно тебе кое-что показать, Кара, – сказал фен-де Стоун.

– Можно мне к папе?

– Может быть, попозже. Потом. Если всё пройдёт хорошо, ты сможешь взять на руки своего братика. Хочешь посмотреть на братика, Кара?

Кара кивнула.

– Прекрасный мальчик. Чистый. Его зовут Тафф.

– Тафф...

Этого имени не было среди тех вариантов, что они обсуждали вместе, весело смеясь и втиснувшись втроём в одну кровать. Но Кара поняла, что это имя идеально подходит, сразу, как его услышала.

– Тафф...

Несмотря ни на что, Кара улыбнулась. У неё есть брат...

– Подними голову, дитя моё. Посмотри вон на то дерево.

Но ведь ночь такая холодная! Не следовало приносить сюда новорождённого младенца! Ребёнок должен быть дома, у огня...

Фен-де Стоун щёлкнул пальцами у неё перед глазами.

– Посмотри туда! Живо!

Кара послушалась.

Мамины руки были связаны вместе и зацеплены за толстый сук; ноги болтались в пятнадцати футах над землёй. Глаза были завязаны, рот заткнут кляпом.

Кара завизжала.

Услышав голос дочери, Хелена Вестфолл задёргалась в своих путах. Испуганный ропот пробежал по толпе – первый звук, который жители деревни издали с тех пор, как привезли Кару.

– Не бойтесь, не бойтесь! – сказал им фен-де Стоун. – Она больше не опасна!

В животе у Кары возникла сосущая пустота, отчасти похожая на голод.

До сих пор Кара была растеряна и напугана, но сейчас все эти чувства сменились другим, куда более сильным.

Яростью.

Она набросилась на фен-де, не задумываясь о том, что это самый могущественный человек во всей деревне.

– Зачем вы её мучаете?!

Кара изо всех сил лупила мужчину в грудь. Он даже не пытался её удержать, только смотрел с холодной усмешкой.

– Твоя мать ведьма, Кара. Она опасна для Де-Норана.

– Врёте!

– Она ходила в Чашобу и общалась с Лесным Демоном.

– Неправда, неправда! Мама хорошая!

– Она погубила двух людей.

– Замолчите! Не врите!

– Тому есть свидетели, Кара. Почтенные граждане Де-Норана. Они своими глазами видели, как она творила чёрную магию. Вдова Гейбл. Наставник Блэквуд.

– Нет! Нет! Нет!

Фен-де Стоун перехватил кулаки Кары и уставился на неё.
– Твой отец, девочка! Даже твой отец это признал!

Кара осела на деревянный помост. Подняла глаза на мать, которая снова застыла и не двигалась. Посмотрела на отца.

– Пусть он перестанет! – сказала Кара. – Пусть не врёт!

Но отец избегал встречаться с ней глазами, и тогда Кара поняла, что фен-де Стоун говорит правду.

Мир вокруг поплыл, закружился.

– Сколько тебе сравнялось? – спросил фен-де Стоун.

Кару клонило в сон. Она не понимала, что означают эти слова.

– Твой возраст, Кара! Сколько тебе лет исполнилось?

– Пять.

– Пять... – повторил фен-де и тяжело вздохнул. – Несомненно, уже слишком поздно! Однако Дети Лона во всём держатся справедливости, и нам предстоит выяснить, не унаследовала ли ты способности своей матери. Не ведьма ли и ты сама, Кара Вестфолл.

Только тут Кара заметила второе дерево. Меньше, чем дерево её матери, но с таким же колышком, вбитым в кору.

– Поняла, значит, – сказал фен-де Стоун, проследив направление её взгляда. – Тем лучше. Так проще.

– Я не ведьма!

Фен-де улыбнулся, и Кара с тошнотворным чувством поняла, что он, на самом деле, забавляется.

– Многообещающее начало! – сказал он, хлопнув в ладо-

ши. – Но давай-ка убедимся наверняка, ладно?

Джозеф и тот другой, низенький – теперь Кара узнала Бэйли Риддла, могильщика, – провели через толпу некое существо. Больше всего оно походило на собаку, с угольно-чёрным мехом с седыми разводами и удлинённой мордой. Шкура на нём болталась так свободно, как будто животное было проклято сверхизобилием кожи.

– Таких, как он, осталось мало, они сейчас лишь тень себя былых, – сказал фен-де Стоун. – В Древних преданиях такие звери гордо бродили с великими охотниками и помогали им выслеживать ведьм в самых мрачных уголках Мира...

Взгляд предводителя сделался отстранённым – он воображал былую славу своего народа.

– Тогда мы называли их истинными именами. Гант-руаал! Трандикс! Даник Юдзел! Однако в нынешние невежественные времена они известны как ночные искатели.

Странному созданию явно было нелегко подниматься по лестнице. Джозеф яростно дёрнул его за цепочку, ночной искатель басовито заскулил и потащился дальше на сложенных назад лапах. Кара, несмотря на весь свой ужас, почувствовала нечто вроде сострадания к бедной твари. Вскарabкавшись наконец на помост, существо искоса взглянуло на девочку

лиловыми глазами, которые на менее кошмарной фигуре выглядели бы даже красивыми.

Фен-де Стоун кивнул Джозефу. Тот медленно размотал накрученную на руку цепь и отпустил существо на свободу.

– Давай! – сказал фен-де Стоун, цокнув языком и указав на Кару. – Ищи!

Ночной искатель приподнялся на лапах и пошёл вперёд. Кара дёрнулась было в сторону, но Риддл удержал её на месте.

– Гляди, гляди! – шепнул он ей на ухо. – Это нечто!

Ночной искатель подался вперёд, так что его длинная морда уткнулась в помост, потом вытянул свои задние ноги, выставив напоказ здоровенные, безволосые лапы. Следом распрямились передние ноги – треск расправляющихся костей эхом разносился в безмолвной ночи, пока существо росло у неё на глазах. Вскоре оно сделалось вдвое, втрое больше прежнего. Сколоченный на скорую руку помост протестующе застонал под неожиданным новым грузом.

Ночной искатель уселся на задние лапы. Его скулёж сменился жалобным завыванием, а из передней лапы выскочила прозрачная иголка, длиной в предплечье Кары. Тварь вскинула голову и обнажила зубы, продемонстрировав крупные, зазубренные резцы, которых у неё только что не было и в помине.

– На твоём месте, Бэйли, – негромко посоветовал фен-де Стоун, – я бы сделал шаг назад.

Руки Кары очутились на свободе за полсекунды до того, как ночной искатель прыгнул и повалил её на помост. Масивная лапа уперлась Каре в грудь, глаза зверя уставились ей в глаза. Из пасти свисала тёплая слюна.

Кара даже не заметила, как иглолка вонзилась ей в руку, пока ночной искатель не сел на задние лапы и не уставился на кровь на кончике иглы. Кара подумала было, что он сейчас её слижет, но вместо этого ночной искатель погрузил иглу глубоко себе в ноздрю. Содрогнувшись всей своей массивной тушей, он втянул в себя кровь девочки и гулко фыркнул.

После длительной паузы ночной искатель распрямился, как будто приняв решение. Он занёс свою лапу с иглой и направил её в правый глаз Кары.

– Не-ет! – завизжала она. – Не надо! Пожалуйста!

Вторая лапа ночного искателя давила ей на грудь неподъёмной тяжестью. И как бы Кара ни вертелась и ни дёргалась, она была не в силах подвинуться ни на дюйм. Каждый вдох, и то давался с трудом.

– Суд свершился! – провозгласил фен-де Стоун. – Похоже на то, что нынче ночью мы избавим мир от двух ведьм сразу. Да воссияет вновь величие Детей Лона!

Толпа взорвалась радостными воплями.

– Нет! – крикнула Кара, но теперь её голос звучал совсем тихо. – Я же не ведьма!

Игла была все ближе к её глазу, пока наконец перед Карой не осталось ничего, кроме острия, блестящего во тьме.

– Я же не ведьма! Я же не плохая!

Девочка смотрела прямо перед собой. Ей хотелось зажмуриться, но ей надо было видеть.

– Я хорошая девочка!

Толпа принялась хлопать в ладоши, размеренно и ритмично.

– Не обижайте меня!

Кара отвела взгляд от иглы и заглянула в лиловые глаза ночного искателя.

«Не обижай меня!»

Тварь содрогнулась и издала низкий, гортанный звук. Толпа слишком шумела, так что никто его не услышал, но это точно не был рык. В нём не было злобы.

Одним стремительным движением ночной искатель подался назад, освободив Кару. Игла уже втягивалась обратно в лапу. К тому времени, как зверь отступил на три шага, его тело успело усохнуть и обрести прежний безобидный облик. Существо с усталым, измождённым видом побрело назад к лестнице.

Толпа стихла.

Фен-де Стоун уставился на Кару. Глаза его угрожающе сощурились.

– Ты что сделала?

Кара мотнула головой. Она ничего не делала.

– Это заклятие! Ты наложила на него заклятие, верно?

Кара снова мотнула головой.

– Ты околдовала это создание, и...

– Девочка ничего не делала!

Отсюда, с помоста, Каре не видно было, кто это говорит, но голос был женский.

– Верно, верно!

– Эта ваша тварь просто сделала свой выбор, и всё!

– Никакая она не ведьма!

– Отпустите её!

Этот последний голос Кара узнала. Это был папа.

Прочие поддержали его, толпа снова загомонила. Стыд унял их жажду крови. В то время, как прежде они видели перед собой демона в обличье ребёнка, теперь они видели лишь малышку, дрожащую от страха.

Фен-де Стоун вскинул руку, призывая всех к молчанию.

– Ну конечно! – сказал он. На губах его играла облегчённая улыбка, но Кара знала, что это лишь напоказ. – Похоже на то, что она и впрямь не ведьма. Как это замечательно!

Он протянул руку Каре.

– Давай, милочка, я помогу тебе встать. Ты уж прости, если мы тебя напугали, но я уверен, что ты нас поймёшь. В таких делах перестраховаться не помешает...

– Мама... – сказала она.

– Ах, ну да! – отозвался фен-де, и его улыбка превратилась в куда более искреннюю – и куда более жуткую мину. – Твоя мама!

Толпа потянулась в сторону деревни. Разговоры уже возвращались к таким повседневным темам, как скотина и удобрения. В небе встало солнце, начинались дневные труды.

Отец Кары стоял у подножия лестницы. Малыш у него на руках заходился плачем.

– Он есть хочет, – сказал папа. На щеке у него багровел широкий рубец – след от удара одного из серых плащей. Он избегал встречаться глазами с Карой.

Кара посмотрела на крохотный свёрток у него на руках.

– Можно мне его подержать? – спросила она.

Отец кивнул и с облегчением протянул малыша Каре. И тут же рухнул как подкошенный, как будто сын был единственным, что позволяло ему держаться на ногах.

– Простите меня, – бормотал он. – Простите. Простите. Прости...

Кара оставила его и зашагала в сторону деревни.

Осторожно откинув край одеяла, она посмотрела на нового члена своей семьи. Ей приходилось видеть не так уж много младенцев, однако она поняла, что Тафф очень маленький, даже для новорождённого. Глазки, чуть приоткрытые, были такие же светлые, как у их отца.

– Ну здравствуй, братик, – сказала она. – Меня зовут Кара.

Утро было холодное, и Кара прижала младенца к груди,

стараясь согреть его своим теплом.

– У меня для тебя грустная новость, малыш Тафф. Нашу маму ты никогда не увидишь. Но ты не переживай. Я всегда буду рядом. Я всегда-всегда буду тебя защищать.

Кара в последний раз оглянулась на поле. Тело её матери уже сняли с дерева. И рабочие уже разбирали помост. Единственные звуки издавала толпа хихикающих ребятишек, которые швырялись шишками в Бэйли Риддла. Бэйли крутился на месте и верещал по-девчачьи, делая вид, будто ему больно.

– Тебя никто никогда не обидит! – шёпотом сказала малышу Кара.

Она смотрела на Бэйли Риддла, пока тот наконец не поднял голову и не встретился с ней глазами. В отличие от Таффа, у Кары глаза были материнские: чёрные, как лесная ночь.

Человек ахнул.

– Никто! – повторила она.

Кара прижимала брата к груди всю дорогу до деревни. К тому времени, как они пришли домой, малыш уснул у неё на руках.

А Бэйли Риддл погиб той же ночью: на него набросился какой-то лесной зверь. Свидетелей не было, и поскольку особой любовью Бэйли не пользовался, его просто похоронили да и забыли.

Мало ли, бывает.

Книга первая

Знаки

Зачастую ведьма скрывается за невинным лицом. Вот почему тебе следует знать, какие знаки искать.

«Путь»

Лист 17, жилка 26

Держась за руки, ведьмины дети шагали по пустынной дороге.

Девочка, двенадцати лет, тоненькая, как ивовый прутик, была одета в простое чёрное школьное платье с белым воротничком, заштопанное в нескольких местах, но безукоризненно чистое. Её чёрные волосы были собраны в тугий узел. Иногда она разрешала нескольким непокорным прядкам выбиться на лоб – но не сегодня, нет, не сегодня.

Девочку звали Кара. Но обычно её называли по-другому. Её братишка, Тафф, был мал для своих лет, с рыжевато-русыми волосами. Утро выдалось холодное, и бледные

щёчки малыша горели, как две алые розы. Кара машинально протянула руку и коснулась его лба тыльной стороной руки – нет ли температуры?

Вдалеке появилась чья-то фигура.

Время было раннее, даже для тех немногих фермеров, что возили этой дорогой товары в деревню. За распаханными холмами сквозь упирающиеся в небо ветви Чащобы смущённым гостем проглядывало солнце.

Тафф стиснул сестрину руку.

Человек подошёл ближе, и Кара признала тяжёлую походку Дэвина Грея. Дэвин жил на краю острова, но большую часть времени бродил с фермы на ферму, пробавляясь ремонтом. Как-то раз, когда папа снова расклеился, Кара попросила его починить им крышу. Дэвин Грей рассмеялся ей в лицо.

Но, несмотря на это, Кара была девочка вежливая.

– Доброе утро, мистер Грей, – поздоровалась она. Она сжала руку Таффа, и тот вполголоса выдавил: «Здрасьте».

Мужик, стараясь не смотреть им в глаза, сплюнул на землю и подался в сторону, насколько позволяла ширина дороги.

– Ишь, злыдни! – буркнул он. – Все в мамашу!

Разминувшись с Дэвином Греем, дети, привыкшие к подобным встречам, пошли дальше своей дорогой. Разве что Кара подтянула братишку поближе к себе. И всё.

«Ой, как же не хочется!» – думала Кара, подходя к ферме. Она уже хотела было повернуть назад, но тут вспомнила своё отчаяние, когда накануне вечером вскипятила котелок и обнаружила, что в буфет нечего – буквально нечего! – бросить. Так что о том, чего ей хочется, речи уже не шло. Есть такое слово – «надо».

И, пока не передумала, Кара решительно поднялась на деревянное крыльцо, волоча за собой Таффа. Главный дом усадьбы был свежевыбелен, и над дверью висела дорогая ветвь фенрута, чтобы Тимоф Клэн по возвращении сразу увидел, что тут обитают истинно верующие. Это напомнило Каре, что до ночи надо будет ещё дров нарубить.

Девочка одёрнула платье, прежде чем постучаться в дверь.

– Веди себя хорошо! – предупредила она Таффа.

Тафф кивнул.

– Обещаешь?

– А что я? Они сами...

– Обещаешь?

Тафф тяжело вздохнул.

– Хорошо, Кара. Обещаю.

Дверь отворилась.

Над ними нависло лицо Констанс Лэмб: скверно выровненное поле сплошных шрамов. Кара отвела взгляд. «Я не в ответе за грехи своей матери!» – напомнила она себе, но это не особо утешало. Совершенно это не утешало.

– Чего вам тут надо? – спросила Констанс. На ней было свеженакрахмаленное домашнее платье и белый полотняный чепец. И даже клубы муки на её фартуке, и те выглядели аккуратными и ухоженными.

– Доброе утро, миссис Лэмб.

– Утро давно миновало. И я тебе, кажется, вопрос задала!

– Я насчёт лошади, мэм. Мистер Лэмб за мной посылал. Он говорил с моим папой и сказал ему, что у вас кобыла охромела. И папа сказал, что, может, я чем помогу. Я же хорошо управляюсь с животными.

Констанс вдохнула, медленно и глубоко, потом выпустила воздух сквозь стиснутые зубы.

– Ну, если и был такой уговор, я о нём первый раз слышу.

– Мистер Лэмб обещал две коричневых.

– Две?! – Констанс схватила за сердце, как будто такая неслыханная сумма её убьёт на месте. Хотя Кара полагала, что эта цена – за это можно будет купить десяток яиц да новые носочки Таффю – более чем справедлива.

– Я всё как следует сделаю, – сказала Кара. – Честное слово. Я хорошо...

– ...Управляешься с животными. Да-да, ты говорила.

Кара ждала. Дальше уговаривать не имело смысла. Тётка либо даст ей заработать эти семечки, либо нет.

– Дорогу в конюшню сама найдёшь, а? – сказала наконец Констанс.

– Да, мэм. А как зовут кобылу?

– Тенепляской мы её зовем. Хотя не понимаю, какая разница.

Разница была большая, но Кара объяснять не стала. Констанс всё равно не поймёт, а если сказать всё как есть, пойдут слухи, начнутся разговоры...

– Только имей в виду, кобыла бешеная. Ни мужа моего, ни батраков к себе и в хорошие-то дни не подпускает, а уж сейчас, когда у неё болит...

Констанс покачала головой.

– Эрику Уитни руку сломала, когда он ей пытался помочь.

– Вы не волнуйтесь, миссис Лэмб. Я осторожно!

– Ну, тогда давай поживей.

И Констанс принялась было закрывать дверь.

– Мэм! Ещё одно...

– Ну, что тебе?

Кара даже не знала, с чего начать. Она так давно не просила людей о помощи, что слова эти казались чужими, словно язык, позабытый много лет назад. Но ведь когда-то, давным-давно, Констанс Лэмб была подругой её матери. Кара надеялась, что это до сих пор что-то значит.

– Утро сегодня холодное, а братик мой часто болеет...

Тафф дёрнул сестру за руку.

– Я в порядке!

– Если вам не очень сложно, можно, он в доме подождёт, пока я управлюсь с Тенепляской? Вы его даже и не заметите. Тафф у нас тихий...

– Я с этой чокнутой старой кошёлкой не останусь!

– ...как мышка...

Констанс смерила взглядом их обоих, и Таффа в отдельности, с чем-то отдалённо напоминающим усмешку.

– Погодите, – сказала она и ушла в дом.

Кара и Тафф стояли молча. Кара гневно зыркнула на брата.

– Ну чего? – сказал Тафф.

Констанс вернулась с толстым шерстяным одеялом и парой варежек.

– На, бери. Одеяло оставишь на лавке возле конюшни, когда будете уходить. Варежки тебе великоваты, но ничего, возьми себе. Я их мужу связала, а он носить отказывается. Кусачие, мол. Считай, это тебе подарок от – как ты сказал? – сумасшедшей старой кошёлки.

И Констанс Лэмб захлопнула дверь у них перед носом прежде, чем они успели сказать «спасибо».

Кусачим оказалось в основном одеяло, а не варежки, зато через несколько минут Кара заметила, что Тафф перестал так часто шмыгать носом. Доброта миссис Лэмб, конечно, оставляла желать лучшего, и всё же это была доброта.

– Можно мне с тобой? – попросился Тафф, когда они дошли до конюшни.

– Нет.

– Но я хочу посмотреть!

– Это просто лошадь.

– Я люблю лошадей. Они интересные.

«Интересные» было последнее слово, которое выучил Тафф, и он употреблял его при каждом удобном случае, ба-
луясь с ним, будто с новой игрушкой.

– Ну ты же знаешь, что будет, – сказала она.

Говорить так было жестоко, но всё же Таффу следует сми-
риться с очевидным: стоило ему подойти близко к живот-
ным, как он начинал задыхаться, или у него принималась бо-
леть голова, или открывался жуткий кашель, или всё это сра-
зу. Как-то раз он из упрямства покормил овечек, и всё тело
у него покрылось багровыми пятнами.

– Я яблочко принёс, – сказал Тафф. – Чтобы его угостить.

– Это она. И она себя плохо чувствует, поэтому она, ско-
рее всего, просто выплюнет это яблочко.

Тафф достал яблоко из кармана и протянул сестре. Яблo-
ко выглядело сморщенным и унылым – других урожаев их
поля нынче не давали.

– Ну всё равно – отдай его ей, ладно? – тихо попросил
он. – И скажи, что это от меня.

Кара погладила братишку по голове. Его волосы начали
завиваться возле ушей. Она мысленно добавила в список дел
«подстричь Таффа».

– Это можно.

Убедившись, что Тафф не забыл свою дощечку для ри-
сования и кусок угля, Кара вошла в конюшню. Тенепляску

она нашла в последнем деннике. Кобыла была здоровенная, как тяжеловоз, с лоснящейся чёрной шкурой и жилистыми мышцами. На шее у неё лужицей лунного света растеклось серебристое пятнышко.

— Я пришла тебе помочь, — сказала Кара, похлопав лошадь по боку. Тенепляска опасливо покосилась на неё, но не ша-рахнулась. — Может быть, я сумею унять боль, если ты мне позволишь.

Каре нужно было осмотреть пострадавшую ногу, но она не могла прямо так взять её в руки — это было бы нарушением доверия. Поэтому она принялась уговаривать лошадь, напевая песню, которой научила её мать много лет назад, песню, слов которой Кара не понимала. Она нашёптывала её на ухо Тенепляске, как колыбельную.

Тенепляска подняла копыто.

Кара сразу увидела, в чём проблема: маленький, слишком маленький прокол, окружённый багровым пятном. Если не дать инфекции возможность выйти наружу, воспаление распространится выше по ноге кобылы, начнется горячка, и тогда исцеление сделается невозможным. Довольно обычная беда, но разобраться с ней нужно было немедленно.

Кара достала из кармана платья перочинный ножик. Тенепляска вздрогнула и подалась в сторону, но Кара вновь затянула песню своей матери, сжимая в ладони деревянный медальон, спрятанный под платьем, и глаза у лошади остекленели. Кара глубоко вонзила нож в копыто и проворно проде-

лала два новых отверстия по обе стороны от главной раны, а потом натолкала во все три дырки мазь, которая должна была оттянуть инфекцию книзу. Рецепт лекарства тоже достался ей от матери, и готовилось оно из трав, собранных на Опушке, – две мелкие подробности, о которых Кара Лэмбам сообщать не собиралась.

– Ближайшие несколько часов будут не очень-то приятными, – прошептала она на ухо лошади. – Но после этого с тобой всё будет в порядке.

Она положила в рот Тенепляске Таффово яблочко.

– Это тебе от моего братишки, Таффа. Он тоже болеет, как и ты. Но скоро вам обоим сделается лучше!

Она погладила гриву Тенепляски, и по всему телу разлилось приятное, тёплое чувство – ощущение, что она сделала что-то хорошее и правильное.

С этой новообретённой уверенностью Кара пошла в хлев, искать Джейкоба Лэмба, намереваясь получить свои семечки прежде, чем идти в школу. Фермер кормил свиней – шевелящуюся массу облепленных грязью туш, битком набитых в закут. Фермер высыпал на землю ведро дробленой кукурузы, свиньи яростно захрюкали.

– Ну что, как там моя скотинка? – спросил Джейкоб. Говорил он медлительно, но взгляд у него был острый и проворный.

– У Тенепляски рана загноилась. Но теперь с ней всё будет хорошо, – ответила Кара.

Джейкоб стоял в закуте. Казалось, он может стоять так вечно.

– Сэр, – неловко сказала Кара, – вы моему папе заплатить обещали...

Ответа Кара не расслышала за какофонией хрюканья. Джейкоб пнул одну из свиней и пробормотал что-то неразборчивое.

– Прошу прощения? – переспросила Кара.

– Вон, у дома три мерки кукурузы стоит! Возьми себе несколько початков.

– Кукурузы?

– Только утром скосил!

– Ну вы же обещали папе, что заплатите семечками!

Кара сама поморщилась, так жалко это прозвучало.

– Две коричневых, если точнее.

– Ну, ты ж знаешь своего папашу. Вечно всё перепутает.

– Такого он перепутать не мог.

Джейкоб пожал плечами.

– Ну, может, я и обещал две коричневых. А может, и не обещал. В любом случае, сейчас это неважно.

Он сунул Каре в руку одну-единственную серую семечку и сжал пальцы девочки поверх нее.

– Мог бы и вообще не платить, поняла? А если кому скажешь, что я, мол, тебя надул, я скажу, что ты врешь, да и дело с концом. И как ты думаешь, кому скорее поверят? Крепкому, зажиточному фермеру вроде меня? Или дочке уличён-

ной ведьмы?

Кара стиснула в кулаке серую семечку. Это была десятая часть обещанной платы.

– Это же нечестно! – сказала она, готовая разрыдаться, сама себя за это ненавидя.

– Ну, нечестно, а что ж поделаешь! – фыркнул Джейкоб. – И кукурузы уж возьми себе. Я сегодня прям добрый какой-то.

Он повернулся к Каре спиной и вылил ведро воды в свиную колоду, продолжая заниматься своими делами, так, будто она уже ушла. «Ты не смеешь со мной так обращаться!» – подумала Кара, вонзая в ладонь изломанные работой ногти. Она представила, как свиньи накидываются на мужика, представила хрюканье, и визг, и вопли, и скрежет зубов, сливающиеся воедино, пока он тщетно пытается вырваться...

– Эй! – воскликнул Джейкоб. Он встряхнул Кару за плечо, заставив её вернуться к реальности. – Ты что делаешь, а? А ну, прекрати на меня так пялиться!

– Ой, простите! – сказала она и попятилась назад. – Простите, пожалуйста!

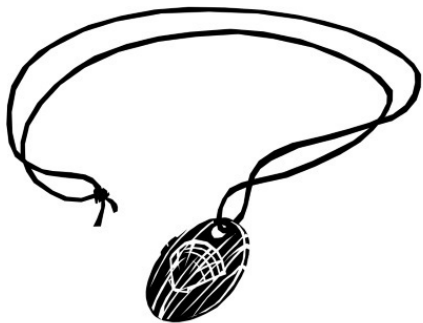
Глядя за спину фермеру, она видела, что свиньи уже выстроились в ряд на краю закута и смотрят на неё с жадным вниманием. Они наконец-то прекратили хрюкать.

Дети поднимались обратно в гору. Мальчик был в новых врежках, девочка несла мешок из-под картошки с шестью

кукурузными початками. Оба молчали. Мальчику это было нелегко: он обожал наполнять воздух словами. Однако он неплохо научился считывать разные смыслы сестриного молчания, и по её поджатым губам и побелевшим костяшкам пальцев, сжимающих мешок, видел, что этого молчания лучше не нарушать.

Ни он, ни она не заметили птицы.

Птица сидела на ветке прямо у них над головами, и в грудь у неё был вделан глаз. Существо уставилось на девочку и с особенным интересом – на деревянный медальон у неё на шее. Птицын глаз завертелся волчком, замелькали разные цвета: серый, будто камень, голубой, как морская волна, зелёный, как лесные кроны, – и наконец сделался огненно-алым. Птица наблюдала за детьми, пока они не исчезли вдали, потом развернула крылья и неожиданно стремительно понеслась в Чашобу, на доклад. После всех этих лет девочка наконец созрела.

Кара опоздала. Она шла между безукоризненно выровненных парт, мимо девочек в одинаковых школьных платьицах и мальчишек в белых рубашках и штанах с помочами. Смотреть вперёд. Ни с кем не встречаться глазами, главное – ни с кем не встречаться глазами. Чем меньше на неё обращают внимания, тем меньше её ненавидят. Краем глаза она увидела, что место Грейс пустует. И хотя Кара готова была завопить от радости, лицо её осталось каменным. Они не любят, когда она улыбается.

Кара села на место в тот самый момент, как в класс вошел наставник Блэквуд. Старик, держа в руке розгу, только что срезанную с молодого тамаринда, окинул взглядом сво-

их юных подопечных, дожидаясь тишины. Ждать пришлось недолго. Одно дело, когда розга стоит в углу класса. Но когда наставник Блэквуд держал её в руках, весь класс понимал, что это сулит боль и муки. И хотя старость заставляла почтенного наставника сутулиться на ходу и время от времени терять нить рассуждений во время урока, по части поддержания дисциплины он не сделался ни медлительней, ни снисходительней.

– Трудись прилежно, ничего не желай! – провозгласил наставник Блэквуд.

– Сохраняй бдительность! – в один голос откликнулся класс.

Наставник Блэквуд улыбнулся и дотронулся до плеча мальчика в первом ряду, на пару лет старше Таффа. В старшей школе учились дети с восьми до четырнадцати лет, но ни для кого не было секретом, что наставник Блэквуд предпочитает детей помладше.

– Как всем вам известно, Тимоф Клэн прежде, нежели записать свои наставления касательно Пути, очистил мир от ведьм, принеся себя в жертву, благодаря чему мы почти две тысячи лет можем наслаждаться покоем.

Он двинулся вперёд по классу, поочерёдно выцеливая взглядом каждого из учеников, ни на миг не выпуская из рук розги.

– Но, что бы там ни воображали неблагодарные глупцы в Миру, это отнюдь не означает, что магия мертва. Нам, пре-

данным последователям учения Клэна, это известно до-подлин-но!

Он остановился напротив Кары, и девочка ощутила, как по шее у неё сползает капля пота. «Ну, в чём меня теперь-то обвинят?»

– А потому, ученики мои, вам надлежит научиться распознавать знаки души, коей грозит опасность! Не только опасность сделаться ведьмой, но также и опасность предаться магии в её обыденных разновидностях, ибо и это есть отпадение от Пути. Нам надлежит сохранять непрестанную бдительность, чтобы быть готовыми, когда Тимоф Клэн возвратится и вновь поведёт наш народ к величию.

Наставник Блэквуд отошел от Кариной парты и двинулся дальше, к доске. Она вздохнула с облегчением.

– «Но какие же знаки мне следует искать?» – спросите вы.

Он поднял руку и принялся загибать пальцы.

– Дитя, что недовольно днём, проведённым в честных трудах. Дитя, что желает большего. Дитя, которое меч-та-ет! Ибо когда сердце чего-то желает, какие двери мы отворяем? Каких демонов призываем поселиться в наших душах?

Он остановился. Старческие губы возбуждённо дрожали.

– Вы согласны, мистер Гаррис?

Бенджамин Гаррис, десятилетний мальчик с румяными щеками и пышной копной рыжих волос, резко выпрямился у себя за партой.

– Да! – выпалил он. – Да, конечно... сэр!

Наставник Блэквуд кивнул, легонько постукивая розгой по раскрытой ладони.

– Весьма утешительно это слышать. Ну, ступайте к доске, будьте любезны.

Бенджамин заозирался, надеясь на помощь товарищей, но те, не сговариваясь, уставились на крышки своих парт. Каре сделалось жалко Бенджамина. Она не могла назвать его своим другом, но он никогда не бывал с ней жесток, никогда не принимал участия в развлечениях Грейс.

Бенджамин вышел к доске и теперь испуганно смотрел на наставника Блэквуда.

– Приближается праздник Теней.

– Да, сэр.

– Тебе нравится этот праздник, а, Бенджамин?

Мальчик нервно сглотнул, не зная, какого ответа ждёт учитель. И неуверенно кивнул.

– Это хорошо, – сказал наставник Блэквуд. – Мне он тоже нравился, когда я был в твоём возрасте. Ну, а что тебе больше всего нравится на празднике Теней?

Бенджамин уже собирался было ответить, но наставник Блэквуд вскинул руку.

– Постой, дай угадаю. Знаменитые сидровые пончики вдовы Миллер?

– Ну да, это правда, сэр! – сказал Бенджамин.

– Вкусные пончики, а?

Бенджамин расплылся в улыбке.

– Я их целый год жду! Моя мама пытается испечь такие же, но у неё всё не то выходит. Уж она так злится, когда я ей говорю, что у вдовы Миллер вкуснее!

Наставник Блэквуд негромко рассмеялся и приобнял ученика за плечи.

– Жалко, что нельзя прямо сейчас съесть такой пончик, а?
– Даже удивительно, что вы об этом заговорили! Я только вчера говорил друзьям, как бы мне...

Он вдруг умолк и зажал рот ладонью.

– Ну давай, Бенджамин, давай. Повтори то, что ты говорил своим друзьям.

– Я лучше не буду, сэр...

– Ну почему же? Вот они не постеснялись мне всё рассказать. Пожалуйста, поделись своими словами со всем классом! Нет, конечно, если ты предпочтёшь рассказать об этом самому фен-де Стоуну, я, пожалуй, смогу устроить визит нашего замечательного предводителя...

– Я сказал, что мне бы хотелось съесть такой пончик прямо сейчас... – сказал Бенджамин.

Класс разразился аханьем и испуганным ропотом.

– Тише, тише! – воскликнул наставник Блэквуд. – А теперь скажи, Бенджамин, должно ли Дитя Лона чего-то желать?

– Нет, сэр.

– А почему?

Губы у Бенджамина задрожали. Он изо всех сил сдержи-

вал слёзы, но проигрывал борьбу.

– Потому что желание не может заставить что-то сбыться. Это просто одна из разновидностей магии. А магия – худший из грехов... сэр.

– Вот то-то, сынок! Молодец!

Наставник Блэквуд вскинул розгу.

– Ну, а теперь подставляй руки, чтобы поскорей покончить с этим делом. Мы и так потратили много учебного времени.

Остаток утра миновал без происшествий. Арифметика. Урок истории – о первой битве Тимофа Клэна с Пещерными Ведьмами. Списать на грифельную доску отрывок из «Пути»...

Наконец учеников ненадолго отпустили пообедать. Кара, стараясь ни с кем не встречаться глазами, пробиралась между группками детей, рассеявшихся на траве перед школой. В животе бурчало от запаха жареных пирожков с репой и коричного хлеба, но Кара теребила серенькую у себя в кармане, и на душе становилось веселее. «Пожалуй, этого хватит, чтобы купить небольшую дыньку: не самую отборную, конечно, но лучше, чем ничего. Вот папа-то удивится, когда я принесу его любимую...»

Что-то холодное шлёпнулось ей в спину.

Кара шла дальше, не обращая внимания на хохот за спиной. Она уже знала, что это самое разумное – любая реакция

их только раззадорит. «Ничего, это просто грязь, отстирается!»

– В следующий раз камнем пульнём, девка-ведьма! – крикнул кто-то.

– Вся в мать пошла! – добавил другой, но прежде, чем травля разгорелась всерьёз, Кара свернула за угол школы – туда за ней никто не последует.

Тропинка была грязной и неровной, но Кара знала этот холм как свои пять пальцев и быстро поднялась на вершину. С утра ветер сделался позубастее, и девочка обхватила себя за плечи, глядя на остров с высоты. Ухоженные фермерские земли расцвечивали остров бурым, жёлтым и зелёным; дальше, насколько хватал глаз, простирался океан. А прямо под ногами у Кары, на юге, дремали после утренней суматохи лавки и домики. Одинокая телега тряслась по каменистому участку дороги, выезжая из деревни.

Запад, восток, юг. В этих направлениях Де-Норан выглядел как идеальное убежище для избранных последователей Тимофа Клэна.

Кара посмотрела на север.

В той стороне даже небо было иным: тошнотворно-серым, заражённым провисшими облаками. Опасные сорные травы Опушки ковром устилали северную границу Де-Норана, а дальше высились гороподобные деревья, что стояли ствол к стволу, будто часовые, пряча от глаз загадочный лес, что покрывал почти три четверти острова. У него было много

имён, у этого леса. Иногда его называли «Чёрным лесом», или «Лесом Запретных Даров», или просто «Сордусовым царством». Но обычно его звали «Чашцобой».

– А я уж подумал, не заблудилась ли ты!

Кара улыбнулась и быстро подошла к валуну, нависшему над самым южным обрывом. На валуне сидел и смотрел на океан мальчик. Кара села рядом, свесив ноги в пустоту.

Лукасу Уолкеру сравнялось тринадцать. У него были мягкие карие глаза и волосы с прозеленью. В отличие от мальчишек в школе, ходивших в белых рубашках и безукоризненно отглаженных чёрных брючках, Лукас носил грубую коричневую блузу чистильщика. Ногти у него были зеленые от работы, и Кара чувствовала запах дыма с Опушки, въевшийся в кожу и одежду намертво, сколько ни оттирай.

– Извини, что опоздала, – сказала Кара.

Лукас взглянул на мокрое пятно грязи у неё на спине, махнул рукой, чтобы она повернулась, и принялся отчищать, насколько получится.

– Что там нынче нёс старый Блэквуд? – спросил Лукас. – Дай угадаю!

Он вытянулся и заговорил в нос, искусно подражая голосу старого учителя.

– Ведьм можно найти повсюду, если знать, какие знаки искать! Вот, к примеру, если у ребёнка раз был день рождения – это ничего, но если день рождения празднуют каждый год? Это магия, говорю я вам! Магия! Или вот другой знак,

на который стоит обратить внимание: это дети, которые ходят на своих двоих! Или, скажем, дышат через нос! О да, о да, ужасные носодышатели! Эти точно хуже всех!

Кара рассмеялась было – но тут же зажала рот ладонью. С такими разговорами недолго и внимание серых плащей привлечь, если кто-нибудь их подслушает!

Лукас стёр остатки грязи.

– Ну что, так лучше? – спросил он.

Кара кивнула.

– Странное дело, – сказала она, подтягивая коленки к груди. – Ведь если бы они правда думали, будто я ведьма, они бы должны были меня бояться. А если бы они меня боялись, я думаю, они бы себя вели...

– Не как бешеные волки?

Она пожала плечами.

– Как-нибудь иначе.

Лукас отхлебнул своего похожего на ил чаю и слегка поморщился. Все чистильщики ежедневно пили этот чай, чтобы очистить организм от вредоносного дыма, которым они дышали. На вкус он был ужасен, зато помогал выжить.

– Чайку? – с улыбкой предложил Лукас. – Сегодня он особенно отвратительный!

Кара показала ему язык. Она никогда не могла выпить ни глоточка этой жижи, и Лукас обожал её этим поддразнивать.

Внезапно его лицо сделалось серьёзным.

– Травы на Опушке прут быстрее, чем я когда-либо ви-

дел, – сказал он, откидывая волосы назад. – Мы все работаем посменно, по четырнадцать часов, и всё равно не успеваем. И с каждым разом... Чащоба как будто надвигается чуточку ближе. Мы не сможем удерживать её вечно. И сорняки становятся всё опаснее. Помнишь моего друга Гаррена?

Кара кивнула. Молодой чистильщик как-то раз помог ей дотащить мерку гашевицы. Она была уверена, что никогда в жизни его не забудет.

– Так вот, он наступил на побег синего плюща – такого никто из нас ни разу не видел, даже старики, – и тот в секунды прожег ему весь башмак. Мы его еле успели оттащить. Он смотрел, как нога уходит в землю, и валился с ног, будто его Сордус поцеловал.

Кара побледнела, и оба смолкли.

– Извини, – сказал Лукас.

В отличие от большинства чистильщиков, Лукас был не суеверен и имя Лесного Демона произносил так же непринужденно, как своё собственное. Но за те короткие годы, что Кара провела с матерью, мать успела вселить в неё безрассудный и всепоглощающий страх перед Сордусом, и этот страх владел ею и по сей день.

– А у меня было на редкость интересное утро, – сказала Кара. Она принялась рассказывать ему утреннюю историю во всех подробностях. Лукас слушал, как и всегда, пристально глядя ей в глаза. Если есть на свете человек, который может ей помочь понять, что же произошло, так это Лукас.

– Я вообразила, что свиньи творили с ним такое... это было ужасно! – сказала она. – Я хотела его наказать.

– И отлично! Я тоже хочу его наказать! Он же тебя надул!

– Но о таких вещах никому думать не следует. Тем более Детям Лона!

– Ну это же просто мысли! – сказал Лукас. Он развернулся к ней лицом. – Ничего плохого ты не сделала. Что бы там ни говорили, ты не такая, как она. Запомни это!

Подняв голову, чтобы посмотреть ему в глаза, Кара увидела, как чёрный силуэт пролетел и сел на спину Лукасовой рубахи.

– Не шевелись! – сказала она.

– А что такое?

– Тс-с! – сказала она, вставая на ноги и обходя Лукаса. – Говорить – это тоже шевелиться.

– Нет. Говорить – это сказать мне, в чём дело.

Она нашла сквита, размером не больше напёрстка. Он уселся между лопаток Лукаса, растопырил жвалы и подыскивал местечко, откуда лучше начать.

– Это сквит, – сказала Кара.

– Что ещё за сквит? Они вредные? Звучит так, будто вредные.

– Они редкие. Обычно они появляются только в тёплый сезон, если только они не спариваются. И тогда...

– Они кусаются?

– Ну... не совсем.

– Это не тот ответ, на который я надеялся.

Из рта сквита выдвинулось жало, похожее на штопор, и принялось ввинчиваться против часовой стрелки. Жало проткнуло Лукасову блузу и врылось в тело. Лукас напрягся – на поверхности его кожи выступила крохотная капелька крови.

– Сиди смирно, – сказала Кара. Она боялась, что если попытаться схватить сквита, она может его напугать, и тогда он примется ввинчиваться ещё быстрее. Поэтому она положила указательный палец на спину Лукасу.

– Иди-ка сюда, – сказала она, и сквит вынул жало и переполз на её палец. Девочка сомкнула ладони над крохотным созданием, и его крылышки затрепетали от удовольствия.

«Что бы это значило, – подумала она, – что смертельно опасная тварь относится ко мне с такой любовью?»

– Ошибаешься, – ответила она Лукасу почти шёпотом. – Я такая же, как она.

Кара разжала руки и выпустила сквита. Сквит полетел на север.

В торговых рядах яблоку негде было упасть. Кара крепко держала Таффа за руку, пока они пробирались в толпе других покупателей. Кара знала, что Тафф боится толпы, хотя он в этом и не сознавался.

– А может, сперва сходим домой и спросим у папы? – спросил он. – Вдруг ему на что-то деньги нужны, а мы не знаем.

– Да нет, я думаю, что всё будет нормально, – ответила Кара. Братишка не знал, что в последний год Кара сама распоряжалась их усыхающими финансами. Если отдать серенькую папе, он её наверняка просто потеряет. Хотя Таффу она этого говорить не хотела. Несмотря на всё случившееся,

Тафф папу всё равно обожал, и Каре хотелось сберечь это чувство как можно дольше.

Внезапно Тафф отпустил её руку и зашёлся кашлем. Высокая тетка, примерявшая новый чепчик, развернулась и злобно зыркнула на него.

– Нечего тут соплями трясти! – рявкнула она. Тётка стремительно промаршировала на другой конец магазина, но Тафф все же успел вытереть длинную соплю о спину её платья.

– Ну Тафф! – шёпотом одёрнула Кара. – Так нехорошо!

– А она со мной хорошо, что ли?

– Знаешь, сломав вторую ступеньку...

– ...Лестницу не починишь. Знаю, сестричка, знаю.

Кара позволила себе чуть заметно улыбнуться.

– Хотя, конечно, – добавила она, – это было отчасти уместно.

Тафф улыбнулся в ответ.

– Это почему?

– Да она сама такая... сопли пузырьём!

Тафф покатился со смеху. Прочие покупатели принялись на них оглядываться. Кара знала, что внимания к себе лучше не привлекать, но смех у Таффа был такой звонкий и заразительный, что ей было всё равно.

Но вскоре смех снова сменился кашлем. Теперь Кара отчетливо слышала хлюпанье, подбирающееся к легким Таффа. Деньги придется потратить на лекарство... К счастью,

Кара знала, что им надо: простое укрепляющее снадобье, за которым не придётся идти к доктору Мэттеру. Конечно, на одну серенькую целой бутылки не купишь, но Таннер Стормфилд, продавщица, продаст ей одну дозу, и Тафф её выпьет прямо в магазине. Они уже так делали.

– Да нет, Кара, – сказал Тафф, когда они подходили к ряду, где продавались бинты, запечатанные пузырьки и разнообразные мази, – со мной всё нормально!

– Нет, Тафф, не нормально. Сам же знаешь, что будет...

– Я не хочу тратить семечку на ерунду!

– Твое здоровье – не ерунда.

– Кара, ну пожалуйста! – взмолился он. – Не трать её на меня!

Девочка наклонилась к брату.

– Маленькие дети часто болеют. С возрастом они это перерастают. И ты это перерастешь, Тафф. Прямо сейчас тебе тяжело, но когда ты станешь старше, ты сделаешься высоким и сильным. И я знаю, что тогда ты будешь заботиться о нас – и обо мне, и о папе.

Она погладила братишку по щеке.

– А до тех пор я буду заботиться о тебе. А ты будешь меня слушаться. Договорились?

Тафф коротко кивнул. Ему это всё не нравилось, но сестре он верил больше, чем кому бы то ни было на свете.

– А ты правда думаешь, что я вырасту высоким? – вполголоса спросил он.

– Как дерево фенрут! И сильным.

Этот разговор, как часто бывало, перешел в игру.

– Насколько сильным?

– Таким сильным, что сможешь швырять тюки сена отсюда до самого океана! И валить деревья ударом кулака.

– А коровами жонглировать смогу?

– А то как же! Но ты этого делать не будешь. Потому что это было бы жестоко.

Тафф захихикал. Он попросил разрешения подождать Кару на улице: другие ребята ему клялись, что поблизости растёт дерево, на коре которого отпечаталось лицо Сордуса, и Таффу хотелось на него посмотреть. Кара тоже слышала эти дурацкие слухи, когда была в младшей школе, но не видела смысла портить ему удовольствие. Она сказала Таффу, чтобы он ждал её через несколько минут.

Кара нашла, что искала, под коробкой тянучек от боли в животе. У бутылки был такой вид, словно она уже очень давно стоит тут на полке. Вряд ли это как-то скажется на эффективности снадобья, но надо все же спросить у продавца...

Когда Кара обернулась, прямо за спиной у неё стояла Грейс. И улыбалась.

Это был дурной знак.

– Добрый день, Кара! – пропела Грейс. Её тон был сама любезность. – Как я рада тебя видеть!

Грейс, вне всякого сомнения, была самой красивой девочкой в деревне. Однако то была странная красота. Глаза

– пронзительно-голубые, будто самоцвет, только что найденный в шахте. Яркость глаз подчеркивали длинные, шелковистые белые волосы, перевязанные розовой лентой. По всем правилам Грейс следовало бы прятать такие необычные волосы под шляпкой или под чепчиком: ведь любые физические особенности, от раздвоенной губы до крохотной родинки, зачастую рассматривались как знак того, что дитя «тронуто магией» и за ним надо смотреть в оба. Но Грейс это, по видимому, не касалось. Она гордо носила свои волосы, каждый день вплетая в них яркую ленту нового цвета, и жители деревни восхищались её «мужеством».

С их точки зрения, Грейс ничего дурного сделать не могла.

За спиной Грейс могучей тенью маячил её постоянный спутник, здоровенный малый по имени Саймон Лодер, с постоянно приоткрытым ртом, что придавало ему какое-то растерянное выражение. Годам к шестнадцати Саймон мог бы уже работать в поле – при его росте он бы запросто пахал за троих взрослых мужчин. Возможно, со временем он бы даже стал владельцем собственной фермы: он происходил из хорошей семьи и, как все говорили, рос энергичным и довольно умненьким мальчиком.

Всему пришёл конец, когда Саймон в восемь лет забрёл в Чашобу.

Искать его никто не решился, даже родители. Ребёнка сочли пропавшим – говорили, что его забрал Сордус. И отча-

сти это была правда. Ребёнок, который вернулся в деревню два дня спустя, пошатываясь, в окровавленной одежде, был совершенно другим мальчиком. Его разум был погублен безвозвратно. Теперь Саймон почти не разговаривал, а если разговаривал, то только с Грейс.

Кара его жалела, но в то же время боялась его: её пугало то, как он не сводит глаз с Грейс. Все толковали о том, какая Грейс милосердная, как она следует Пути тем, что дружит со злосчастливым ребёнком. Но Кара-то знала, что доброта тут ни при чем. Саймон просто инструмент, который у Грейс всегда под рукой – опасный, как топор, и для Грейс намного удобнее топора.

– Тебя не было в школе, – сказала Кара как можно более бесстрастным тоном. Сегодня она была не расположена играть в игры Грейс.

Грейс опёрлась на свою трость, вырезанную из ясеня, поваленного молнией.

– У меня с утра нога разболелась. Я с постели встать не могла.

– Очень тебе сочувствую, – сказала Кара. – Наверно, это тяжело.

– Да, Кара. Очень тяжело. Ты себе просто не представляешь, какая это боль.

И, хотя Грейс по-прежнему улыбалась, глаза у неё вспыхнули голубым огнём.

Левой ноги Грейс никто никогда не видел: в Де-Нора-

не женщины не носили юбок выше щиколотки, а купаться Грейс не ходила. Но, по слухам, нога у неё была кривая и иссохшая.

И в этом Грейс винила Кару.

– Я пропустила что-нибудь важное? – спросила она.

– Да нет, – ответила Кара.

– Когда я стану фен-де, первым же приказом отправлю наставника Блэквуда в чистильщики. Он мне надоел.

Кара вежливо кивнула и сделала шаг в сторону прилавка.

– Ну, выздоравливай.

Саймон преградил ей путь.

– Дай угадаю, – сказала Грейс, глядя на бутылку в руках у Кары. – Этот щенок опять болеет?

Говоря, она поправляла бутылочки на полке, так что они выстроились в ровный ряд.

– Когда я стану главной, все будет иначе. Таким щенкам, как он, будут просто сворачивать шею. Так будет намного лучше. Эти бестолковые чистильщики трудятся не покладая рук, и всё равно Чашоба мало-помалу надвигается с каждым годом. Наша часть острова делается все меньше и меньше. У нас нет места для всяких заморышей.

Жестокие слова Грейс, как всегда, прятались под непринуждённым тоном дружеской болтовни. Она ни на секунду не переставала улыбаться. Любой, кто был в магазине, видел всего лишь девочку, щебечущую с подружкой.

Кара посмотрела ей в глаза.

– Не говори так о моём брате!

Это прозвучало громче, чем хотелось Каре.

Таннер Стормфилд выглянула из-за прилавка.

Грейс положила свою маленькую ручку Каре на плечо, как будто успокаивала её.

– Что, Кара, правда глаз колет? Уж кому и знать, как не тебе!

Она помолчала.

– Эта бутылка стоит целую жёлтенькую, а то и больше. Где это бедная дочка фермера раздобыла такие деньжищи, а?

– Я бутылку покупать и не собираюсь!

Грейс картинно вздохнула.

– Ну не собираешься же ты её украсть!

– Нет, конечно! Миссис Стормфилд за серенькую нальет Таффу одну ложку. А насчёт завтрашней порции я что-нибудь придумаю.

– Так у тебя есть серенькая? Вот новость так новость! Давай-ка её сюда.

– Что?!

Грейс вздохнула с таким видом, как будто что-то объясняла непонятливому малышу.

– На прошлой неделе вернулся торговый корабль. Они привезли из Мира новые, невиданные конфеты. Я хочу попробовать такую конфету, а кошелёк оставила дома. А как я уже сказала, у меня сегодня нога болит. В общем, мне нужна твоя серенькая.

– Ну конечно, Грейс. А ты мне её потом, разумеется, вернешь.

– Нет, не верну.

Она подставила ладонь, держа её вплотную к телу, так, чтобы со стороны видно не было.

– Ну, давай семечку!

– А почему, собственно?

– Потому что в конце концов ты мне всё равно её отдашь. Я просто хочу избавить тебя от лишних неприятностей. Клянусь Клэном, Кара, – можно подумать, ты не знаешь, кто твои настоящие друзья!

Грейс всё держала ладонь. Ждала.

Кара почувствовала, как гнев охватывает её с головы до пят, точно лесной пожар. С Грейс всегда бывало так. Для всех остальных – сплошные сахарные улыбки, настоящий подарок для деревни. Никто не ведал её тёмной души, кроме Кары.

Обычно ей удавалось не обращать на Грейс внимания. Но мелкие несправедливости этого дня, копившиеся одна за другой, вывели Кару из равновесия.

Она ударила Грейс по руке.

Кара сразу поняла, какую ошибку она совершила, но было поздно. Грейс уже валилась назад, она попыталась было ухватиться за полку, но вместо этого только смахнула на пол банку с вареньем. Осколки полетели во все стороны, увечная нога Грейс вдруг подломилась, и она рухнула к ногам Кары.

От боли она всхлипывала вполне убедительно.

– Я же до неё едва дотронулась! – тихо сказала Кара. Могла бы и не говорить. Её никто не слушал.

Саймон одним плавным движением наклонился и поднял Грейс на ноги: несмотря на свои размеры, он был проворен, как кошка. И тут же Грейс окружили озабоченные покупатели, спрашивая, не позвать ли папу. Грейс махнула рукой с решительным видом, говорящим о том, что она испытывает невыносимую боль, но слишком самоотверженна, чтобы кого-то беспокоить.

Убедившись, что Грейс не пострадала, все накинулись на Кару.

– Ах ты язычница! – сказала Бетани Джеймс, старая карга с серповидным шрамом на подбородке. – Неужто бедная девочка без того мало страдала?

– Да она сама...

– Не слушайте её, врет она всё! – сказал Вильям Элиот, бородатый мужичок ростом не выше Кары. – И мать у ней такая же была, за словом в карман не лезла. А чем это кончилось, мы все знаем!

Вильям смерил Кару взглядом, подступив вплотную, так что она почувствовала, как изо рта у него несёт жареным луком.

– И лицом на неё похожа как две капли воды! Вот посидит ночку в Колодце, научится уму-разуму, пока не поздно! Схожу-ка я за серым плащом, подам официальную жалобу...

Однако не успел Вильям дойти до выхода из магазина, как Грейс вскричала:

– Ах, постойте! Кара не виновата! Она меня просто чуть-чуть толкнула! Я просто... мне просто тяжело держаться на ногах, потому что... потому что...

На глаза Грейс навернулись слёзы.

Миссис Джеймс обняла её за плечики.

– Ты слишком добра, моя милая! Ещё защищать её пытаешься, после того, что она с тобой сделала! Самому Тимофу Клэну нелегко было бы проявить такое всепрощение.

Тут деловито вмешалась Таннер:

– А из-за чего вы, собственно, повздорили-то?

Грейс потупилась. Сама скромность и невинность!

– Ну, говори ты! – велела Таннер Каре.

Кара пожала плечами. А что говорить-то? Всё равно всё без толку. Кто ей поверит?

Таннер скрестила на груди свои ручки, мощные и ловкие, не хуже, чем у любого мужчины.

– Девочки, – объявила она, – это мой магазин, и уж я разберусь, что тут произошло!

Грейс что-то пробормотала – так тихо, что никто не разобрал ни слова.

– Что-что? – переспросила Таннер.

Грейс повторила, уже погромче:

– Она отняла у меня серенькую...

Кара пришла в ужас. Не оттого, что Грейс это сказала –

а оттого, что она с самого начала не догадалась, к чему та клонит.

– Я этого не делала! – воскликнула она.

Но даже самой Каре было слышно, как беспомощно и фальшиво это звучит.

– А ну цыц! – рявкнул на Кару Вильям. Он подобрал с пола трость Грейс, вручил ей и ласково похлопал девочку по руке. – Ну-ка, расскажи, как это вышло!

– Я пришла купить какой-нибудь мази для ноги. Я увидела Кару и подошла к ней, хотела обсудить, что было в школе. Я не смогла сегодня пойти в школу, потому что болела, и мне не хотелось отставать от класса. Я подумала, может, Кара мне расскажет то, что я пропустила. Но она только и делала, что расспрашивала, есть ли у меня деньги. Наверно, это все те новые конфеты, ей очень уж хотелось попробовать...

– Сладкие кристаллы... – сказала Таннер.

– Ну да, они самые. Беда в том, что у неё не было денег. Нет, конечно, я предложила её угостить. Я же надеялась, что тогда она согласится помочь мне с уроками, а то я каждый раз так беспокоюсь, когда пропускаю школу. Но стоило мне достать семечку, как Кара её тут же выхватила у меня из руки, а я упала. Нет, Кара меня не толкала! То есть, может, она и толкнула, но это вышло нечаянно. Она бы никогда так нарочно не поступила. Кара на самом деле очень добрая девочка, если познакомиться с ней поближе...

– Это моя серенькая, – сказала Кара. – Я сегодня утром

сделала кое-какую работу на ферме у Лэмбов. Можете у них спросить, если мне не верите.

С тем же успехом она могла бы разговаривать с ветром.

– Серого плаща позвать надо! – сказал Вильям.

– Да, – согласилась Таннер. – Воровство безнаказанным оставлять нельзя!

– Пару часиков в Колодце, а?

– Это самое меньшее.

– Ой, не надо, пожалуйста! – воскликнула Грейс, хватая за руки Таннер. – Я же знаю, что Кара просто пошутила. Да, у неё странное чувство юмора, и со стороны шутка, которую она со мной сыграла, может показаться несказанно жестокой, но, по крайней мере, это позволяет мне чувствовать себя, как будто я здоровая! И ведь я же знаю, что она собиралась мне её вернуть. Правда, Кара? Ведь ты же собиралась мне её вернуть, да?

Все обернулись к Каре, ожидая её ответа.

Девочка подумала было, не стоит ли ещё раз заявить, что она ни в чем не виновата – но, похоже, смысла нет. Грейс в ответ просто улыбнётся, или надует губки, или расплачется – и все Карины оправдания разлетятся вдребезги.

– Я её верну, – ответила она безжизненно-ровным тоном. – Я просто неудачно пошутила.

Грейс тут же просияла. На Кару она поглядела с нескрываемой гордостью, как будто Кара собачка, которая только что выполнила превосходный трюк.

Таннер зашла за прилавок и достала швабру.

– Ну, девочки, баловства я у себя в магазине не потерплю!

Кто-то должен прибрать этот беспорядок.

Грейс кивнула, как будто это было более чем разумно.

– Кара, ты знаешь, мне так трудно наклоняться, но если ты подашь мне швабру, я...

– Вот ещё вздор! – воскликнула миссис Джеймс, тыча костлявым пальцем в сторону Кары. – Ведьмина дочка всё это натворила, её и наказать следует!

– Вот-вот! – воскликнул Вильям и закивал так яростно, что Кара подумала, как бы у него зубы изо рта не вывалились. Он приобнял Грейс за талию. – Ты тут ни соринки не подымаешь, лапушка моя! Идем-ка, мы проводим тебя домой.

Таннер ткнула ручку швабры в руки Каре.

– Ты ничего не забыла? – спросила она.

– И точно! – воскликнула миссис Джеймс, и Кара с шокирующей отчётливостью вспомнила, как колыхалось лицо старухи в свете факелов тогда, в ночь казни её матери. – Ты головой не ослабела, а, девка?

– Серенькую! – напомнила Таннер.

Кара медленно, как во сне, выковыряла монетку из складок школьного платья. В последний раз посмотрела на неё – «Просто бесполезная семечка, из неё ничего даже не вырастет!» – и уронила монетку в подставленную ладонь Грейс.

– Я просто хотела, чтобы ты знала, – сказала Грейс, сомкнув свои крохотные пальчики на добыче, – что я тебя про-

щаю!

И она сухо чмокнула Кару в щёку. Губы у неё были холодные.

Некогда земли Вестфоллов были цветущим раем: сплошные яблоневые сады, кукурузные поля и зелёное пастбище с колышущимися травами. Кара не раз пыталась мысленно восстановить ферму такой, какой она была когда-то, но в памяти всплывали лишь обрывки. Папа, загорелый дочерна, работающий в поле и останавливающийся, чтобы помахать ей рукой, или закатывающий тыкву на гору, ведущую к дому. Мама, которая направляет крохотные ручонки Кары, уча сажать семена. Запах земли от мамы, как будто она сама проросла из пашни.

Как давно всё это было!

Теперь, идя по их земле, Кара напоминала себе о том, что следует быть благодарной хотя бы за эти обрывки воспоминаний о счастливых днях – у Таффа-то и этого нет. Он знал только засохшие деревья, валящиеся от любого сильного ветра, бурые стебли с затвердевшими в камень початками. После смерти матери их земля превратилась в убогое, голое место. Деревенские, разумеется, говорили, будто эта земля проклята, но Кара знала, что дело не в этом. Любая ферма придёт в упадок, если нет работников, которые бы за ней ухаживали, и если хозяин больше спит, чем трудится.

– А нас сегодня к Озеру Осознания водили! – сказал Тафф.

Кара попыталась скрыть изумление. «Неужели он уже такой большой?» – подумала она.

– Ну и как, видел ты в воде образ Тимофа Клэна? – спросила она.

Тафф вскинул руки.

– Да там же ничего нет! Оно даже не красивое, ничего особенного. Лужа как лужа!

– И что вам потом учительница сказала?

– Сказала, идите домой и подумайте над тем, что вы сегодня видели. Только я не знаю, что мне-то делать, ведь я так ничего и не видел!

Кара улыбнулась, вспомнив, как растеряна была она сама в его годы, вспомнив сокрушительное разочарование, когда

она увидела в воде своё собственное лицо вместо Тимофа Клэна. Прошло много лет, прежде чем Кара осознала смысл урока. Если чураться магии и жить по правилам, предписанным «Путём», все они станут такими, как сам Тимоф Клэн. Он может указать им путь, которым идти, но он не явится в воде, чтобы направлять их, и не станет прислушиваться к их молитвам, как один из ложных богов Мира.

Это всё магия.

Каре ужасно хотелось подтолкнуть Таффа к этому выводу – но нет, до этого братишке придётся дойти своим умом.

– А Аннабет клянётся, что прямо так его самого и видела, с серпом и с молотом!

– Это враньё, – сказала Кара, – и её счастье, если серые плащи этого не услышат. Тимоф Клэн умер больше тысячи лет назад.

Мрачные то были времена: Мир тогда кишел всяческими ведьмами и прочими гнусными тварями. Тимоф Клэн всех спас: он возглавил Серое Воинство и прошёл по земле, пока не истребил всех ведьм до единой. После того, как он пал от рук Великого Предателя, хроники и наставления Клэна были записаны в «Пути». И так родилось Лоно, и вот уже на протяжении веков они несли стражу, остерегаясь возвращения магии, в то время как весь прочий Мир двинулся дальше и всё забыл.

– Я есть хочу! – сказал Тафф.

– А что бы ты выбрал на ужин?

Это заставило Таффа чуть заметно улыбнуться.

– Если можно, большой-пребольшой кусок жареной говядины с картофельным пюре. И с мясным соусом. И кусок пирога с вороникой.

– Может, ещё и горячего шоколаду?

Тафф кивнул.

– И взбитых сливок побольше!

– Отличный выбор! – сказала Кара. – Сейчас возьмусь готовить. Только знаешь... говядина у нас была, но мне пришлось угостить ею странствующего принца. Ну, а поскольку это принц... разумеется, без соуса было не обойтись.

– Ну да, это понятно, – кивнул Тафф.

– И пирог с вороникой я только что испекла, да вот беда: кто-то украл его прямо с подоконника, не иначе как стайка фей! Ты же знаешь, какие они. А горячий шоколад...

– Шоколад ты весь споила дракону, – сказал Тафф. – Со сломанным крылышком.

Кара хлопнула себя по лбу, как будто только что вспомнила.

– И то верно! Бедный дракоша... Но у меня есть и хорошая новость. Зато у нас есть... картошка!

– Да ну?! – ахнул Тафф, изображая восторг.

– Давай сварим её, этим и поужинаем?

– Давай, Кара! Это куда лучше, чем тот дурацкий ужин!

Обычно Кара обожала разыгрывать с Таффом такие сценки. Это было нечто вроде тайного языка, который у них был

общий с мамой: мама в своё время рассказывала Каре немало запретных историй про троллей и оборотней, про злых королей и прекрасных королев. Однако сегодня шутить насчёт ужина было особенно грустно. Ведь если бы Джейкоб Лэмб расплатился с Карой, как обещал, они бы и в самом деле могли позволить себе роскошный ужин вроде того, который выдумал Тафф!

– Что-то калитка плохо закрывается, – заметил Тафф. – Надо посмотреть, не сумею ли я её починить.

Кара даже не сомневалась, что сумеет: у Таффа был особый дар к таким вещам, и в свои семь лет он сделался уже намного рукастее, чем когда-либо был их папа. Она проводила взглядом Таффа, когда тот пустился вприпрыжку через потрескавшуюся, бесплодную пустошь, когда-то бывшую пшеничным полем, обратила внимание, как хлопают подошвы его башмаков, и мысленно сделала заметку снова их подшить нынче же вечером.

Её взгляд миновал дальнюю границу их умирающих земель и устремился к Чашобе.

До Чашобы, с её деревьями, по сравнению с которыми высочайшие ели и платаны Де-Норана выглядели как детские игрушки, было не более часа ходьбы. Об этом запретном месте слухи ходили самые разнообразные. «Древние деревья вырезают на тебе свои имена, пока спишь». «Из земли вырастают почти люди». «Кипящие реки вываривают из души всё доброе, что в ней есть». Нет, Кара, конечно, не верила

всем слухам подряд, однако же она была уверена, что Сордус, владыка Чащобы, отнюдь не сказка.

«О да! – говаривала ей мама. – Лесной Демон так же реален, как мы с тобой, хотя, по счастью, преодолеть границ своих владений он не в силах. И всё-таки берегись! Нипочём не ходи дальше Опушки. Хотя для большинства людей Чащоба закрыта, боюсь, что для тебя он может сделать особое исключение».

Внезапно налетел порыв ветра. Ветви закачались на ветру, листья зашумели наперебой, будто водопад, и Кара услышала что-то ещё, ещё какой-то звук, который она точно узнала...

– Нет! – воскликнула Кара, отступая назад. – Нет! Это всего лишь ветер.

Девочка зашагала быстрее, стараясь не думать об этом. Конечно, у неё просто разыгралось воображение.

На миг ей почудилось, будто деревья шепчут её имя.

Папу Кара нашла на веранде. Он сидел, весь скрючась, и что-то снова строчил в своём блокноте.

Прошлой ночью дверь им вымазали смесью навоза и ещё чего-то, что воняло овечьей кровью. Это было нечто новенькое. С утра Кара не успела это отмыть, а папа так и оставил всё это печься на солнце до вечера. Кару это не удивило. Если бы мама была жива, папа бы не только отмыл дверь, но ещё и нашёл бы хулиганов и крепко их вздул. А теперь-то

он, наверно, даже и не заметил... Она села на качели рядом с ним. Родители проводили тут немало долгих вечеров, держась за руки и болтая вполголоса, пока Кара, которой полагось бы спать, лежала у окна и в оба уха прислушивалась, как они пересмеиваются тайком.

– Привет, папа, – сказала Кара.

Он продолжал писать. Кара не испытывала любопытства, ей совершенно не хотелось заглянуть в блокнот. Она и так знала, про что там.

Светлые папины волосы слипшимися завитками падали ему на лоб и на уши. Борода с одной стороны была обкорнана, как будто он как-то утром взялся бриться, а потом бросил. В волосах и бороде сорняками пробивались седые пряди.

От папы воняло.

Кара помнила, какой он был раньше: красивый, сильный, он без труда носил её на плечах, когда они гуляли по Де-Норану. И другие жители деревни улыбались и махали им руками...

Раньше. Это всё было раньше.

Кара вложила руку в папину ладонь, стараясь не замечать грязи, засохшей у него под ногтями. Полос склизкого, красноватого дерьма с дверной ручки...

– Ну что, как у тебя день прошёл? – спросила она.

Папа повернул голову в её сторону. Глаза у него были едва открыты, будто он только что проснулся.

– А, Кара, – сказал он. – Когда же ты пришла?

– Только что.

– И как дела в школе?

– Хорошо. Всё хорошо.

– Вот и славно, вот и славно!

И он снова отвернулся и устремил взгляд на их земли. Кара по опыту знала, что так можно просидеть целый час, и папа не скажет больше ни слова. Иногда ей бывало достаточно просто сидеть рядом с ним, вот так, как сейчас. Но ужин-то сам не приготовится. А ещё Каре нужно было получить ответ на вопрос.

– Пап, ты тут давно сидишь?

– А сколько сейчас времени?

– Да уж ужин скоро.

– Да? – Он негромко хохотнул. – Значит, целый день миновал, а я как-то и не заметил. Я с утра присел отдохнуть, да и...

– Ты гашевицу обобрал?

– Гашевицу?

Папа неловко заёрзал на сиденье и заложил ногу за ногу. Тафф делал точно так же, когда Кара ловила его на какой-нибудь проказе.

– Гм... Гашевицу? Дай подумать...

Каждое утро, прежде чем уйти в школу, Кара смотрела папе в глаза и давала одно конкретное задание. Нарубить дров. Подоить коров. Скосить сено.

В большинстве случаев папа вполне управлялся с этими поручениями, но в последнее время он как-то совсем расклеился. Кара уже третье утро подряд просила его обогреть гашевицу, но всё без толку. А к утру нежная ягода уже испортится...

Значит, придётся самой этим заняться нынче вечером. А Кара уже так устала, что готова была закрыть глаза и уснуть прямо на месте. Одна только мысль о лишней работе приводила её в отчаяние.

Папа, похоже, заметил разочарование, отразившееся у неё на лице.

– Ты на меня злишься, да? – спросил он.

Кара, конечно, злилась. Но на папу орать бесполезно. Он расплатится, примется просить прощения, Кара будет себя чувствовать так, словно выпорола младенца, а завтра всё начнется снова. Смысла нет.

Поэтому она встала со скамьи и заставила себя улыбнуться.

– Нет, ну что ты!

– Завтра я всё соберу, честное слово! Просто, понимаешь, временами из головы вылетает...

– Да нет, папа, не надо. Ты уже всё собрал.

– Что, правда? Ой, как хорошо-то! Очень, очень хорошо!

Он вскинул руки и сладко потянулся.

– Неудивительно, что я так устал!

Ужин вышел лучше, чем ожидалось. Тафф отыскал кое-

какие дикорастущие травы, которые пошли на приправу к картошке, и папа вдруг вызвался помогать: он замесил тесто и ложкой выкладывал шарики теста в чугунную сковородку. Пока готовились лепешки и картошка, Кара отправила Таффа нарвать переспелой гашевицы. Порезала гашевицу ломтиками, присыпала последней оставшейся ложкой сахара, добавила щепотку мускатного ореха. Раскатала слой теста, выложила на противень, сверху уложила гашевицу – вышла простенькая, но вполне съедобная шарлотка.

К тому времени, как Кара подала на стол, папа и Тафф уже сидели за столом, сбежавшись на аппетитные запахи из духовки. Нет, конечно, Каре никогда не стать такой хозяйкой, как мама – мама умела из обычной картошки соорудить блюдо, достойное короля, – но готовила она недурно, и тарелки опустели в мгновение ока. Каре, конечно, приятно было бы думать, будто семья в восторге от её стряпни, но она знала правду: они просто хронически недоедают.

Поэтому Кара выждала ещё десять минут, прежде чем достать из печи шарлотку. Шарлотку она подала с пылу с жару, чтобы Тафф с папой не могли просто взять и заглотать её. Девочка надеялась, что если она сумеет растянуть ужин подольше, ей удастся обмануть их животы и убедить их, будто они поели куда сытнее, чем на самом деле.

К тому же папа сегодня что-то разговорился. Вместо того чтобы смотреть в стол невидящими глазами, он принялся им рассказывать, как ему влетело за то, что он на перемене

забрался в школу и напихал камней в карманы учительского плаща. Кара и Тафф уже не раз слышали эту историю, но улыбались из вежливости и хохотали во всех нужных местах. На несколько минут они почувствовали себя совсем как настоящая семья.

А потом Тафф всё испортил.

– Сегодня в школе был разговор про маму, – сказал он.

Папа откусил кусок шарлотки и принялся задумчиво жевать. Шарлотка была ещё слишком горячая, но он, похоже, этого не замечал.

– Про маму, значит? – сказал он.

– Ну да, с одним мальчиком из моего класса, с Уилсоном Реддингом. У его родителей ферма вон там...

– Да знаю я Реддингов, – сказал папа. Он положил вилку и скрестил руки. – И что же говорил тот мальчик?

– Ну, Уилсон влип. То есть он ещё раньше влип, а потом влип ещё сильнее. Его отправили выбивать тряпки для доски за то, что он...

Кара подняла руку.

– Погоди, погоди. Так его наказали за то, что он говорил о нашей маме?

– Да нет! – сказал Тафф. – Наказали его за то, что он подбивал Джеймса съесть гусеницу. Это ещё вчера было. До мамы очередь сейчас дойдет, но сперва же мне надо рассказать, как всё это вышло!

Кара с папой стали молча ждать продолжения.

– Ой, а я забыл, на чём я остановился! – сказал Тафф.

– На том, что Уилсона отправили выбивать тряпки.

– Ага, и он стоял у окна и вытрясал их. А тут мимо шел наставник Блэквуд, а Уилсон, вместо того чтобы перестать, как тряханет со всей силы, и засыпал ему всю мантию мелом. Уилсон сказал наставнику Блэквуду, что он его просто не заметил, но, по-моему, он врёт.

– Почему ты так думаешь? – спросил папа.

– Потому что он мне сам так сказал. Я подумал, что это странно, потому что обычно-то Уилсон со мной не разговаривает. Но потом Уилсон спросил про маму, и тут я все понял.

Кара перехватила папин взгляд и покачала головой: «Лучше этого не знать!»

Но папа всё равно сказал:

– А о чём он спросил-то?

– Ну, это же наставник Блэквуд поймал Уилсона на том, что он уговаривал Джеймса съесть гусеницу. И вот теперь наставник Блэквуд собирался устроить Уилсону взбучку, так что он был очень зол. И вот... он спрашивал, правда ли, что я как мама. И не могу ли я сделать так, чтобы с наставником Блэквудом случилось что-нибудь плохое.

Кара ничуть не удивилась. К ней не раз приставали с подобными вопросами. Дети – да и взрослые – втихаря набивались к ней в друзья, потому что интересовались предполагаемым могуществом её матери. Слишком сильно заинтересо-

вались, на вкус Кары.

– И что ты ему сказал? – спросил папа на удивление спокойным голосом.

– Я ему сказал, что мальчики ведьмами не бывают, и это все знают. И что никаких заклинаний я не знаю, ничего такого, и если бы даже и знал, то никогда бы не стал причинять никому зла, даже наставнику Блэквуду, хотя он этого вполне заслуживает. Но Уилсон только разозлился. Он сказал, что мама-то моя людям зло причинять не боялась. Что она как-то раз заставила девочку проглотить собственный язык за то, что та неправильно выговорила её имя. Что она могла переломать человеку кости одним щелчком пальцев...

Кара таких историй тоже наслушалась. Ещё и не таких.

– Это всё правда? – спросил Тафф. – Мама действительно так могла?

Папа смотрел куда-то мимо Таффа. Его бородатое лицо сделалось совершенно безжизненным и лишилось всякого выражения.

– Нет, – тихо ответил он. – А если бы и могла, то не стала бы.

И папа снова отломил ложкой кусок шарлотки.

– Очень вкусно, Кара, – сказал он. – Как всё-таки хорошо, что мы вдвоем можем...

Тафф шваркнул тарелкой об стол. Крошки шарлотки разлетелись во все стороны.

– Но что же она тогда могла-то? – спросил он. – Все кру-

гом говорят о ней, но рассказывают все разное! Райан говорит, она могла одним словом заставить твою кровь вскипеть в жилах. Мэгги говорит, она могла заставить облака глотать людей целиком...

– Они ничего не знают, – сказала Кара. – Они же были ещё младенцами, когда её...

– Но они говорят, что им об этом рассказывали мамы с папами, а они-то нашу маму знали! И при этом все говорят разное. Просто голова кругом!

И как часто бывало, когда Тафф перевозбуждался, он зашёлся кашлем. Кара протянула ему чашку воды, но Тафф отмахнулся. Оставалось только гладить его по спинке, стараясь успокоить.

– Я им не верю, – сказал он. – Никому из них. Я не верю тому, что они о ней рассказывают.

– Это всё было так давно, сынок. Оставь это...

– Нас все ненавидят, а это же несправедливо! Они говорят, что она ведьма, а ведь...

– Тафф!

– А ведь на самом деле никто ничего не видел!

– Неважно! – рявкнул отец, грохнув кулаком по столу. И добавил, уже тише: – Может быть, в подробностях они и расходятся, но суть одна. Твою мать погубила магия. Вот и всё.

Тафф открыл было рот, словно собираясь сказать что-то ещё, но вместо этого только бессильно плюхнулся на своё место. Каре было его невыносимо жалко. Ему так хотелось

любить свою маму, но ему всю жизнь твердили, что она была чудовищем, которое не заслуживает его любви. Будь она невиновна, всё было бы совсем иначе! Насколько легче было бы ценить то, чего они лишились...

Папа встал из-за стола.

– Простите меня, – сказал он. – Простите за всё.

Шаркая ногами, он прошёл коротким коридором и тихо притворил за собой дверь спальни.

«А ведь ему ещё и сорока нету, – подумала Кара, – а ходит как старик!»

Приступ кашля наконец утих, хотя щёки у Таффа по-прежнему горели. Кара подвинула к нему недоеденную папину шарлотку.

– Надо бы это доесть, – сказала она, – а то остынет.

Пока Тафф мыл посуду, Кара занялась изгаженной дверью. Судя по вонище, смеси крови с навозом дали хорошенько протухнуть несколько дней в чьей-то тачке, прежде чем перевалить её в старую наволочку и шваркнуть об дверь их дома. Сперва Кара отскребла присохшую погань совком, а потом встала на коленки и тёрла дверь тряпкой до тех пор, пока на ней не осталось ни пятнышка. И под конец она окатила запачканный пол веранды несколькими вёдрами мыльной воды, пока остатки дерьма не размокли и не утекли прочь, просочившись между досками.

К тому времени, как Кара управилась, на небе потухли

последние отсветы заката. Вымывшись у колодца, она вошла в дом, посмотреть, как там Тафф. Мальчик уже лежал под одеялом; возле его кровати горела одинокая свеча.

– А можно сказку? – попросил он.

Кара присела на край кровати. Машинально потрогала ему лоб, проверяя, нет ли жара. «Нет, сегодня почти нормальный...»

– Извини, Тафф, – сказала она, покачав головой. Время и так позднее, а гашевица сама себя не соберёт... – Завтра, ладно?

– А ты Расскажи по-быстрому, всё скучное пропусти. Я же и так знаю, про что там. Мне просто послушать хочется.

– Завтра, Тафф, завтра.

Тафф улыбнулся ей: ласковой, весёлой и в то же время чуточку коварной улыбкой.

– Ну ты же сама знаешь, что в конце концов согласишься! – сказал он. – А ты сейчас торопишься. Почему бы не пропустить все отнекивания и не перейти сразу к сказке?

Решив дело таким образом, Тафф поудобней устроился на подушке и стал ждать.

– Ну ладно, – сказала Кара, – но это только сегодня!

Выглянув на всякий случай в окошко – у них в Де-Норане лишняя осторожность никогда не помешает! – Кара достала книгу, спрятанную под тюфяком Таффа. Книга была маленькая, странной формы: кипа страниц, выданных из школьных тетрадок и сшитых вместе чёрными нитками. Устроив-

шись на кровати, Кара обняла братишку за плечи и перевернула страницу.

– Давным-давно, в незапамятные времена, жил да был мальчик, которого звали Самуэль. Они с сестрой любили играть с головастиками, карабкаться на высокие деревья и танцевать под пение реки. Но вот однажды Самуэль заболел ужасной болезнью и играть больше не мог.

Почерк – простой и обыкновенный – был её. А рисунки рисовал Тафф, и рисунки были потрясающие. Самуэль и его безымянная сестра, нарисованные углём и мелом, выглядели как живые, и, казалось, вот-вот сойдут со страницы прямо в их жизнь.

Кара понизила голос до шёпота.

– Сестра Самуэля знала, что это запрещено, и всё же тайком навестила старуху, которая жила на краю леса. Люди звали её Паучихой и говорили, будто она ведает множество тайн.

Пока они ещё не записали эту историю – когда это была просто сказка, которую Кара рассказывала Таффу перед сном, – она употребляла слово «магия». Но одно дело – проносить дурное слово вслух, а совсем другое – доверить его бумаге. В конце концов Кара так и не сумела заставить себя написать эти пять букв. Если книгу кто-нибудь найдёт, риск будет слишком велик.

– Паучиха поведала сестре Самуэля, что есть на свете существо по имени Джейбенгук, которое может снять с её бра-

та болезнь, будто ненужное одеяло. Но чтобы отыскать это существо, ей придётся отправиться в лес и выполнить три задания.

Кара читала быстро, пролистывая всякие описания и сваливая часть работы на картинки. Таффа это, похоже, устраивало. Однако когда она добралась до последней страницы, Тафф широко распахнул глаза. Это было его любимое место!

– Джейбенгук уселся Самуэлю на грудь и окутал его своими великолепными пёстрыми крыльями. Вспыхнул свет, яркий, будто маленькое солнце, а потом Джейбенгук поднялся в воздух, крепко сжимая в золотых когтях шевелящуюся массу червеподобных теней, напивавшихся соками болезни. И с того дня Самуэль больше никогда не болел.

Тафф, пребывающий где-то в царстве грёз, между сном и явью, тихо улыбнулся.

– Конец, – сказал он.

– Конец.

Мальчик приоткрыл глаза – чуть-чуть, только чтобы посмотреть на сестру.

– А правда, было бы здорово, если бы такое могло случиться на самом деле, а?

– Это звучит почти как желание, – сказала Кара. – А это ведь запрещено, ты же знаешь. А потом, если будешь твёрдо держаться Пути, желания тебе не нужны. Все твои нужды и так будут исполнены.

– Ты же в это сама не веришь на самом деле. Правда же?

Кара наклонилась и поцеловала его в лобик.

– Спокойной ночи, братик!

Она сунула книгу обратно в тайник и снова подумала, что история выглядит какой-то незавершённой. А что же случилось с сестрой? Да, она выполнила все три задания, у неё всё получилось – но сумела ли она вернуться обратно из леса? Тафф предлагал вставить в книгу ещё один лист и рассказать о том, чем всё кончилось для героев, но Кара отказалась. Ей очень хотелось, чтобы Самуэль и его сестра были счастливы, но ей не хотелось врать. Она всегда подозревала, что счастливый конец невозможен, если не принесёшь какой-нибудь жертвы.

Ночь была ясная и холодная, как часто случается незадолго до праздника Теней. Кара накинула свой потрёпанный чёрный плащ и пересекла то, что осталось от их кукурузного поля. Невспаханная земля хрустела под башмаками. Когда Кара шла через заброшенное поле, ей всегда делалось грустно. Она вспоминала, как когда-то играла в прятки среди могучих стеблей с ребятами с соседних ферм, с детьми, которые теперь бы нипочём не сознались, что их нога некогда ступала на почву Вестфолла.

«Насколько было бы легче, — думала Кара, — если бы я могла заставить себя их ненавидеть!» Жители деревни, несомненно, давали ей предостаточно поводов для ненависти и омрачали жизнь Кары презрением, хотя она никогда в жиз-

ни никому зла не причинила. Но Кару всегда было трудно разозлить, зато прощала она легко. Она же видела, как они относятся друг к другу: улыбки, дружеские разговоры... Было в них и доброе.

К тому же понять их страх было нетрудно. Ведь Кару, как и их, с рождения учили, что нет ничего гаже и бесчеловечнее магии, и мысль о том, что её мать была ведьмой, внушала Каре глубокий стыд и отвращение (и порой, за полночь, – возторженный трепет, который лишь усиливал стыд). Для Детей Лона не было ничего более скверного, чем одна из них, предавшаяся порокам колдовства, а Кара, как две капли воды похожая на мать, была живым напоминанием о случившемся.

Но что же именно случилось-то?

Каре казалось, что если бы она знала наверняка, какую роль сыграла её мать в смертях, приключившихся в ту ночь, ей было бы легче. Да, возможно, это знание разбило бы ей сердце, и всё же так было бы легче, чем жить, не зная, любить свою мать или ненавидеть её.

И Кара, будто бы в поисках прошлого, подняла повыше фонарь и вступила во тьму ночного сада.

В ту ночь умерли три человека – хотя бы это Кара знала наверняка. Третьей была её мать.

Первой была Абигейл Смит, мамина подруга детства, постоянная гостья их фермы. Кара помнила, как сидела на ко-

лениях у тёти Эбби и водила пальчиком по её веснушкам, пока Абигейл с мамой хохотали над чем-то, на что папа качал головой и говорил «ишь, бабьи глупости!» Вместе с ними частенько сиживала и Констанс Лэмб, хотя тогда она звалась Констанс Бриджес, и лицо у неё было улыбочливое и без шрамов.

Кара не помнила, чтобы у мамы были ещё подруги, кроме тёти Абигейл и тёти Констанс, но этого вроде как и хватало. Они втроём были неразлучны. Кара бессчётное количество раз засыпала под столом на кухне, привалившись к маминым ногам, под звуки весёлой, безобидной болтовни, убаюкивающей лучше всякой колыбельной.

Тётя Эбби вышла замуж через два дня после того, как Каре сравнялось пять. Свадьбу закатали на славу. Жители деревни тогда уже начинали поглядывать на маму с подозрением, но Эбби, с её улыбками, веснушками и пирогами, по-прежнему любили все. Праздник затянулся далеко за полночь. И на следующее утро вся община, как было заведено, дружно взялась строить молодым новый сарай. Там-то два месяца спустя и нашли тело тёти Эбби. То ли она была растерзана в клочья. То ли вместо её головы у неё была воронья. То ли она вовсе исчезла, а остались одни башмаки. Разных историй ходило с десятков. Наверняка никто ничего не знал, кроме фен-де и его серых плащей. Ну и, разумеется, того, кто нашёл тело.

Его нашла мама.

Второй жертвой в ту ночь стал молодой супруг тёти Эбби. Звали его Питер, и хотя Кара его почти не знала, как-то раз он угостил её яблоком и сказал, что у неё красивые волосы. Питера нашли в поле сразу за амбаром, тело его было не тронуто, зато лицо застыло в вопле ужаса.

Таффу следовало родиться не раньше чем через полтора месяца, но, обнаружив трупы своих друзей, мама была в таком шоке, что роды начались раньше времени. По крайней мере, так всегда хотелось думать Каре. Все прочие утверждали, что это случилось от напряжения, которого потребовала чёрная магия, убившая её лучшую подругу. Как бы то ни было, матери Кары удалось доковылять до фермы Констанс, и именно Констанс приняла Таффа, который весил всего три фунта и в величину был не больше буханки.

Кара не раз спрашивала себя, успела ли мама хотя бы взять Таффа на руки, прежде чем серые плащи вломились в двери и уволокли её в ночь. Это была одна из вещей, о которых ей всегда хотелось спросить у Констанс – помимо того, откуда у неё эти шрамы. Однако после той ночи мамина подруга подчёркнуто игнорировала Кару. Она не раз спрашивала о том, что же случилось, у папы (хотя с годами всё реже и реже), но папа отказывался об этом говорить. Когда Кара спрашивала, правда ли, что мама была ведьма, папа просто кивал и проводил остаток дня, строча в своём блокноте.

Только однажды, напившись в стельку, папа дал Каре хоть какой-то намёк. Он ввалился к ней в комнату посреди ночи

и сказал, что мама вовсе не хотела никому зла, просто «совершила ужасную, ужасную ошибку!»

Кара тогда сделала вид, будто спит.

Кара взяла корзину для фруктов и поморщилась от вони гниющей гашевицы. Папа, похоже, взялся-таки за дело, но бросил его на полпути. Сейчас в корзине находилось жидкое месиво, кишашее червями.

Кара, отвернувшись, вывалила гнильё на землю.

Гашевица очень вкусная, но очень уж нестойкая. Если не собрать её сразу, как поспела, она быстро скукожится и сгниёт прямо на дереве. К счастью, нужный момент определить несложно: плоды меняют цвет с неаппетитно-серого на ярко-фиолетовый, и ветви дерева склоняются, как бы умоляя, чтобы их поскорей обобрали.

Окинув взглядом сад, Кара увидела, что все деревья склонились чуть ли не до земли, так что гашевица буквально лежит на траве.

Ночь ей предстояла долгая.

Девочка работала проворно. Некоторые плоды уже переспели и лопались прямо в руках, пачкая пальцы лиловой мякотью. Однако же за пару часов она успела набрать четыре корзины. Но к этому времени усталость начала брать своё, и Кара обнаружила, что уже не может работать так быстро. Она поняла, что всего ей всё равно не собрать, и сердце у неё упало: сколько ж денег они потеряют! Она мысленно выбра-

нила себя за то, что положила на папу, который обещался сделать это ещё два дня назад. «Можно попробовать его разбудить. И Таффа тоже. Втроём, может, и управимся...» Но Кара знала, что толку с этого не будет. Папа сразу почувствует себя виноватым за то, что не сделал это сам, и будет не столько работать, сколько просить прощения. Тафф, конечно, с радостью возьмётся помогать, но он же слабенький, а за последний час сильно похолодало. Нельзя его на улицу выгонять в такую холодрыгу.

Нет, единственный выход – работать самой, уж сколько успеет. Если Кара сумеет набрать ещё шесть корзин, этого должно хватить на пригоршню жёлтеньких. Может, на то, чтобы перезимовать, этого и не хватит, но всё-таки хоть что-то. Однако за следующий час она сумела собрать всего полкорзины, а потом опрокинула её онемевшими руками, и фрукты покатались во все стороны. Следующие полчаса Кара ползала на четвереньках, собирая с фонарём раскатившуюся гашевицу.

Она даже испытала облегчение, когда сдавила одну гашевицу слишком сильно и та лопнула у неё в руке. Внутри она хотя бы тёплая...

«Нет, надо передохнуть, – подумала Кара, садясь под дерево. – Пару минуточек посижу, мне и полегчает. А уж тогда с новыми силами возьмусь за работу!»

Кара закрыла глаза. Когда она открыла их снова, ног она не чувствовала, а на колене у неё сидела птица с глазом на

груди. Кара хотела было заорать, но она была такая усталая, такая сонная, что даже рта не сумела раскрыть. Где-то в глубине души она сознавала, что это очень, очень плохо. Что надо немедленно встать и походить.

Но тело не слушалось.

Кара во все глаза смотрела на птицу. Перья птицы были насыщенно-синего цвета и переливались, как вода под лунной. Вместо головы у неё был всего лишь какой-то бугорок и чёрная дырочка на месте рта. А её единственный глаз отливал тёмной болотной зеленью.

Кара увидела, как глаз откатился влево и на его месте возник другой, каменно-серый. Не успел этот глаз обосноваться в глазнице, как тут же сменился другим, таким же синим, как оперение птицы. Если бы Кара не видела, как этот глаз встал на место, она бы, пожалуй, и не разглядела, что у птицы есть глаз. Этот странный замаскированный глаз быстро откатился в сторону и сменился новым, который светился жёлтым, испуская слабое, но приятное тепло.

За всё это время птица ни разу не мигнула.

«Она пытается привлечь моё внимание, – подумала Кара. – Пытается меня разбудить».

Птицын глаз снова ожил, и разные глаза замелькали друг за другом. Оранжевый. Ядовито-розовый. Прозрачно-белый. Кара представила, как все эти глаза выстроились друг за другом внутри птицы, будто шарики в деревянном жёлобе детской игрушки. На самом деле, в крохотном теле птицы

не было места для такого количества глаз, но, судя по всему, обычные правила тут не действовали.

И вот наконец птица выбрала себе глаз, в котором билось и плясало огненно-алое адское пламя. У Кары в голове вспыхнула жгучая боль от одного его вида, зато изнеможение отчасти развеялось. Как только Кара уперлась ладонями в землю, собираясь встать, птица перепорхнула на соседнюю ветку и принялась внимательно наблюдать за ней.

– Спасибо, что разбудила, – сказала Кара.

Птица перескочила на другую ветку. Глубже в сад.

– Эй, – спросила Кара, – ты куда?

Птица вспорхнула и полетела. Долетев до конца ряда, она снова села на ветку и обернулась к Каре.

– Ты хочешь, чтобы я с тобой пошла? – спросила Кара.

Цвет птицына глаза сменился на ярко-оранжевый. «Да!»

Кара пошла в конец ряда. Ноги отчаянно кололо по мере того, как к ним возвращалась чувствительность. Как только она дошла до птицы, та перелетела в другой ряд деревьев.

Села на ветку. Обернулась к Каре. Снова стала ждать.

Они повторили это несколько раз. Они уже почти дошли до противоположного конца сада, бывшего в то же время и северной границей их фермы. А дальше начиналась...

«Ну да, конечно. Откуда бы ещё могло явиться такое странное создание?»

– Нет уж, – сказала Кара. – Туда мне нельзя.

Птичий крик пронзил ночь: пронзительный, оглушитель-

ный вопль, который всё длился и длился без конца. Кара зажала уши. Над головой у неё полопались нежные гашевицы, фиолетовая мякоть дождём забарабанила по земле.

– Прекрати! – вскричала Кара. – Пожалуйста! Хорошо, хорошо, я пойду!

Птица умолкла и сменила глаз на розовый. Кара подумала, что она явно довольна собой.

Птица покинула сад и полетела сквозь ночную тьму, раздираемую ветром. Кара торопилась следом.

Перейдя границу земель их семьи, Кара очутилась на краю Опушки – диких, буйных зарослей, отделяющих Де-Норан от Чашобы.

Опушку вырубали не далее как нынче утром, но молодые побеги уже вымахали Каре по колено. Мама научила её разбираться в растениях, так что Кара, в отличие от прочих жителей деревни, знала, какие из них целебные, а каких следует избегать. Но Опушка постоянно менялась, а в темноте было не так-то просто отличить красный мох, который лечит больное горло, от мха, от которого отваливаются ногти.

«Это безумие! – думала Кара. – И к тому же, если меня увидят, не миновать мне Колодца! А то и чего похуже...» И всё же Кара следовала за птицей. Вскоре она забрела намного дальше, чем когда-либо решалась ходить, даже вместе с мамой. Одни только тенерубы – чистильщики, которым поручено было рубить растительность в тени Чашобы, –

имели право заходить так далеко. Когда Кара проскользнула мимо поникших, тонких и гибких стеблей, на которых висело с полдюжины горчично-жёлтых шаров, сердце у неё отчаянно забилося. Девочка знала, что такие шары лопаются от малейшего прикосновения, выпуская наружу кошмарные галлюцинации.

Мало-помалу сорные травы сошли на нет. Перед ней высилась Чашоба: могучая, древняя, зловещая, с листьями, которые круглый год оставались чёрными. Ветви её сплетались непроходимой стеной повсюду, кроме одного места: там зиял проход не выше колена. У Кары засосало под ложечкой, когда она осознала, что проход ей точно по мерке.

Птица терпеливо ждала, сверкая горящим жёлтым глазом. Указывала ей дорогу.

Кара вспомнила Саймона Лодера, его пустой, затравленный взгляд. Таким он вернулся из Чашобы. Он пережил нечто столь ужасное, что разум его предпочёл отключиться вовсе, чтобы не помнить этого. Кто знает, вдруг и с ней будет то же самое?

– Я туда не пойду! – сказала Кара.

Птица курлыкнула тихо и умоляюще.

Кара сделала шаг вперёд, и сквозь туман прошедших лет к ней вернулись слова матери: «Нипочём не ходи дальше Опушки. Хотя для большинства людей Чашоба закрыта, боюсь, что для тебя он может сделать особое исключение».

– Нет! – сказала Кара и попятилась. – Никогда.

Птица затопала ногами.

– Мне и сюда-то ходить не следовало.

Кара смертельно устала, у неё кружилась голова, она промёрзла до костей. Но теперь, когда к ней снова вернулась ясность рассудка, Кара поняла, что ей необходимо обратиться отсюда как можно быстрее.

Птицын глаз снова сменился – на лавандовый. Под цвет любимого цветка Кары.

«Ну, извини!» – как бы говорила она.

Кара не успела отмахнуться, не успела даже понять, что происходит – птица кинулась к её шее. Кара услышала треск ломающейся застежки и увидела, как птица скрылась в Чашобе, унося в когтях её медальон.

– Нет! – воскликнула Кара, хватаясь за грудь, где семь лет, не снимая, носила этот медальон.

То было всё, что у неё осталось от матери.

А теперь его украли!

И Кара, не раздумывая, юркнула в лаз, который вёл в Чашобу, в твёрдой решимости вернуть медальон.

Кара очутилась в узком, образованном сучьями тоннеле. Единственным источником света было жёлтое око птицы, призрачным солнцем висевшее где-то впереди. Воздух тут был теплее, пахло зеленью и цветами. Кара подумала, что это мог бы быть очень приятный запах, не будь он так силён. Ветви сплетались тугой, непроницаемой сетью, давившей на спину Каре. И давление это всё усиливалось – тоннель становился всё уже и уже. Девочка подняла руку – да тут и ку-

лак не просунешь...

В какой-то момент нечто многоногое пробежало по её руке и исчезло в щели меж сплетённых веток. Кара взвизгнула от неожиданности – и деревья над ней отозвались тысячей шорохов. Если обитающие в Чашобе твари ещё не знали, что она здесь, – теперь знают.

Внезапно тоннель кончился, и её руки провалились в пустоту. Кара покатилась вниз с невысокого склона, по чёрной, сырой земле. И осталась лежать на спине, стиснув руки, вдыхая тёплый, влажный воздух. Глаза ей открывать не хотелось – по крайней мере, пока.

– Ну вот я и в Чашобе! – шёпотом сказала она. Но оттого, что она произнесла это вслух, слова не сделались более реальными. Девочка испытывала и стыд, и возбуждение, но в первую очередь – страх. Тёмные крылья страха развернулись над ней достаточно широко, чтобы поглотить все прочие чувства.

Кара открыла глаза.

Было темно. Высоко вверху чёрная листва образовывала лабиринтоподобный свод, который заслонял небо и не пропускал ни единого лучика света. Однако внизу, на ветвях, были развешаны тончайшие нити серебристой паутины, которые испускали сияние, подобное лунному. Через несколько сотен футов паутина сходила на нет, и остальная Чашоба была погружена в непроницаемый мрак. Глядя в ту сторону, Кара испытывала головокружение, словно стояла на краю

гигантской пропасти.

Одинокая ниточка паутины повисла у неё перед глазами, излучая мягкий свет. «А может быть, мой народ ошибался все эти годы, – подумала Кара, не сводя глаз с гипнотизирующего сияния. – Может быть, это волшебное место...»

Кара коснулась паутинки. Паутинка немедленно погасла.

Внезапная темнота распространялась по сияющим нитям стремительно, как пламя по пролитому керосину. Серебристый свет угасал, нить за нитью.

Но прежде чем Кара очутилась в полной темноте, она увидела нечто огромное и шустрое. Девочка не сумела разглядеть его как следует – оно двигалось слишком быстро, – она успела заметить лишь множество ног и нечто вроде длинных бескостных рук. Существо чинило сеть, растягивая новую нить немислимо проворными лапками. Оно недовольно тараторило, бранясь на Кару за то, что та ему всё испортила.

Когда существо закончило работу, сеть сделалась не такой, как раньше, но освещала всё вокруг она ничуть не хуже. Плетельщик в последний раз грозно зыркнул на Кару, проскользнул в небольшое отверстие меж ветвей и исчез во тьме.

– Спасибо! – сказала Кара. Её голос в этом месте звучал странно – как-то издалека, как будто она разговаривает сама с собой через реку.

Кара не знала, что делать дальше. Разумеется, она уйдёт сразу, как только птица вернёт ей медальон, но ей почему-то

казалось, что это случится не раньше, чем... чем она сделает то, зачем её сюда привели. «Может быть, если оглядеться по сторонам, я что-нибудь пойму». В конце концов, вряд ли от неё требовалось обыскать всю Чащобу – только этот участок, озарённый серебряным светом. Если Кара не найдёт ничего интересного, она просто возьмёт и уйдёт домой, махнув рукой на медальон. А в тёмную часть леса она не пойдёт ни за что на свете. Даже Карино любопытство имеет свои пределы.

Решив так, Кара взялась за поиски. Она понятия не имела, что именно ищет, поэтому ходила очень осторожно, пристально вглядываясь во всё вокруг. Она от всей души надеялась определить, что ей надо найти, ощутив его важность.

И она нашла.

Эта штука была как раз подходящей формы и размера, и всё же Кара не думала, что этот панцирь – черепаший. По крайней мере, она сроду не видела таких черепах, как эта. Для начала, панцирь был изукрашен угольно-оранжевыми спиралями, в которых угадывался некий скрытый смысл. Однако когда Кара нагнулась поближе, чтобы получше разобраться эти знаки, голова взорвалась мучительным зудением.

Девочка поспешно отвернулась. Если в этих знаках и таится некое потаённое значение, она об этом ничего знать не хочет.

Когда Кара снова посмотрела на панцирь, на нём сидела одноглазая птица. Медальон болтался у неё в когтях.

Кара потянулась за ним – птица отскочила прочь.

– Отдай! – воскликнула Кара.

Птица уставилась на неё суровым, но ободряющим карим глазом.

«Со временем. Сперва это!»

Кара подумала было, не стоит ли ещё раз попытаться выхватить медальон, но поняла, что бесполезно: птица слишком проворна. Она опустилась на колени рядом с панцирем, опасаясь брать его в руки. «А вдруг там что-нибудь мёртвое? Или живое...» Кара запустила руку под него сбоку, стараясь не думать о том, что там какие-нибудь клешни, которые возьмут, да и вцепятся в темноте ей в пальцы... Она потянула на себя, рассчитывая всего-навсего приподнять панцирь на несколько дюймов, – и изумлённо отшатнулась, когда он вдруг перевернулся. Он оказался намного легче, чем выглядел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.